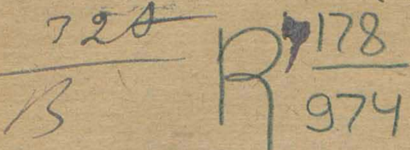

R 178/974

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Вл. ВИЛЕНСКИЙ (СИБИРЯКОВ)

РОССИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

ИЗДАНИЯ
Высшего Военного Редакционного Совета.

„Наставление для ведения занятий с гренадерами“, изд. II.

Кукушкин—„Красная дивизия“.

Шапошников—„Конница“.

„Руковод. для службы при 76 м./м. 3-дм. короткой пушке обр. 1912 г., Отд. I. Устройство пушки“.

„Руковод. для службы при 76 м./м. 3-дм. противоштурмовой пушке Отд. I. Устройство пушки“.

Черемных—„Басня про красноармейца, у которого из-за пуговицы голова пропала“.

„О деятельности военного ведомства по оказанию помощи голодающим“.

„Изменение основной инструкции для приема 3-лин. боевых винтовочных патронов“.

Лучинин.—„Руководство для ведения военной игры со старшим и высш. комсоставом войск в част. М. О.“

Зеликман.—„От Вашингтона до Генуи“ (прилож. к № 2 „Политраб.“).

„Бюллетень Политуправления РВСР № 1—4“.

„Инструкция по приему капсюлей к 3-лин. винтовке“.

Башинский.—„Пособие для стрельбы при 76,2 м./м. французской полевой скорострельн. пушке. Описание материальной части“.

„Памятка коммунисту, комиссару, политруку и политработнику Красной армии и флота“.

„Наставление для обучения молодых красноармейцев пехоты“.

Бергман.—„Конференция в Генуе и Красная армия“.

„Церемониал приведения Красной армии к красной присяге“.

Троцкий.—„Весенние происки врагов“.

Фролов и Куликовский.—„Государственная роспись доходов и расходов и исполнение финансовых смет“.

„Наставление для ведения стрелковых занятий с командным составом РККА“.

Вл. ВИЛЕНСКИЙ (СИБИРЯКОВ)

РОССИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ
МОСКВА
1923

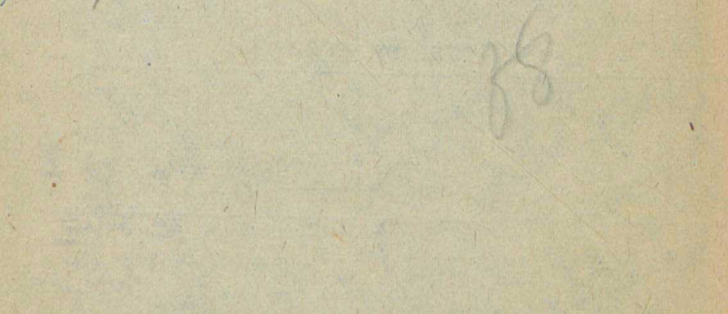
В. В. Р. С. № 719 Тираж 5000.

Главлит № 3910. Тип. „Красная печать“, аренд. В.В.Р.С. Москва.

КНИГА ИМЕЕТ

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1951 г.
6.			1			К	823 / 827	

627/16—250 тыс.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Достаточно было японским войскам уйти с территории русского Дальнего Востока, чтобы русское население последнего заявило, что оно желает войти в семью русской советской федерации. Народное Собрание Дальне Восточной республики, собравшееся на чрезвычайную сессию, под напором этого желания трудовых масс принуждено было декларировать свой самороспуск, упразднявший существование ДВР, и заявить о присоединении русского Дальнего Востока к РСФСР.

Дальне-Восточная республика была вызвана к жизни неблагоприятной для России международной обстановкой на Дальнем Востоке и временной слабостью там России. Сейчас постепенно Россия восстанавливает свои силы и укрепляет свое международное положение. Советизация Дальнего Востока—лучший пример того, как далеко шагнула Советская Россия в смысле укрепления своих позиций на международной арене.

Но опыт существования ДВР, с ее демократической конституцией, интересен еще и в другом отношении. Этот опыт показывает, что почти трех-

летнее существование демократической республики на Дальнем Востоке отнюдь не убедило трудящееся население последнего в преимуществе демократического устройства, и если оно его принимало, то как вынужденную необходимость, и достаточно было этой необходимости отпасть, чтобы дальневосточные рабочие и крестьяне заявили, что они отдают предпочтение советской системе.

Советы, возникшие сейчас на берегу Тихого океана,—лучшая иллюстрация того, что трудящиеся, предоставленные свободному выбору в деле своего государственного устройства, могут выбрать только одну систему—советскую. Эта истина современности лишний раз повторена перед всем миром рабочими и крестьянами Дальнего Востока.

Настоящая книжка представляет собою попытку наметить сущность русской проблемы на Дальнем Востоке, как она может рисоваться нам в условиях общей перспективы международных отношений в Восточном полушарии, куда сейчас переносится центр мировой экономики, а с нею и политики.

Вл. Виленский (Сибиряков).

Ноябрь 1922 г.
г. Москва.

I. Международная обстановка на Дальнем Востоке.

Про Россию давно говорят, что она стоит одной ногой в Европе, другой—в Азии. Простираясь от берегов Балтики до Тихого океана, она действительно занимает своеобразно-промежуточное положение между Западом и Востоком, что в истории не раз давало ей основания противопоставлять себя Западу и строить туманные предположения об особенных путях России, отличных от путей народов Запада.

Но вообще-то Россия, конечно, находится больше в Европе и поэтому она тесно срослась с европейской жизнью, ее интересами, ее стремлениями и все время шла на поводках у Запада. И это, конечно, не плохо, ибо приобщение к европейской культуре—приобщение к общечеловеческой культуре; а европейская мысль родила так много хороших и нужных для человечества идей, что знакомство с этими идеями безусловно необходимо для всякого народа, который хочет итти по пути прогресса.

Однако, мировая империалистическая война и еще больше вспыхнувшая после нее революция поставили на очередь дня вопрос о значении Востока. И для России, стоящей одной ногой в Азии, т.-е. на Востоке, вопрос о значении последнего приобрел исключительный интерес и огромнейшее практическое значение, особенно в процессе учета сил, способных служить интересам мировой революции.

Но и при всем этом, тем не менее, Запад до сего времени довлеет своей злобой дня над нами. Мы хорошо знаем Запад. Мы живем той умственной пищей, которую нам дают европейские газеты, телеграф; но мы очень мало интересуемся Востоком, уделяя ему внимание лишь постольку, поскольку он порою назойливо кричит о себе.

Что же такое Восток?

На этот вопрос далеко не всякий ответит. О Востоке мы вообще очень мало знаем, а между тем казалось бы, что мы-то, живущие между Западом и Востоком, должны о последнем кое-что знать.

Обычно, говоря о Востоке, мы берем последний в собирательном смысле, рассматривая Восток не только как угнетенный азиатский мир, но как весь колониальный мир, мир угнетенных народов не только Азии, но и Африки и Южной Америки, одним словом, весь тот мир, на эксплоатации которого покоится капиталистическая мощь Европы и Америки.

Однако, после мировой империалистической войны, которая привела к распаду европейского капитализма, более целесообразным будет стать на точку зрения противопоставления Западу того Востока, который территориально будет совпадать с Восточным полушарием, где капиталистическая Америка не только сохранила свою капиталистическую устойчивость, но куда по существу сейчас переносится центр тяжести дальнейшего мирового капиталистического развития.

И это тем более, что американский капитал сейчас, противопоставляя себя европейскому капитализму, пытается опереться на восточную Азию, эту наиболее густо населенную часть земного шара, которая больше чем какая-либо иная может претендовать на наименование Востока.

С этой точки зрения для нас Восток—Восточное полушарие, которое включает в себя весь тихоокеанский бассейн. Восток - Китай, Индия, Япония, Корея, Тибет, Монголия и весь тихоокеанский бассейн с населяющими его народами, в том числе и Америкой.

Америка—мировой капиталистический колосс; она уже давно придерживается политики воздержания в европейских делах; но здесь, в Восточном полушарии и на восточно-азиатском материке, Америка играет активную роль; здесь она—первая скрипка в международном концерте; здесь всюду чувствуется дыхание американского капитала.

И это понятно. Только за время империалистической войны с 1914 по 1918 год население Соедин. Штатов Америки возросло с 98 до 103 миллионов. За этот же период добыча угля повысилась с 458 до 613 мил. англ. тонн, железа и стали – с 23 до 45 мил. англ. тонн. Золотой запас Америки с 9-ти миллиардов франков возрос до 16-ти с 1911 года по 1918. Иными словами, Америка к концу мировой войны владела 40% всего мирового золотого запаса. Вся Европа, не исключая т.-н. великих держав, является должником Америки.

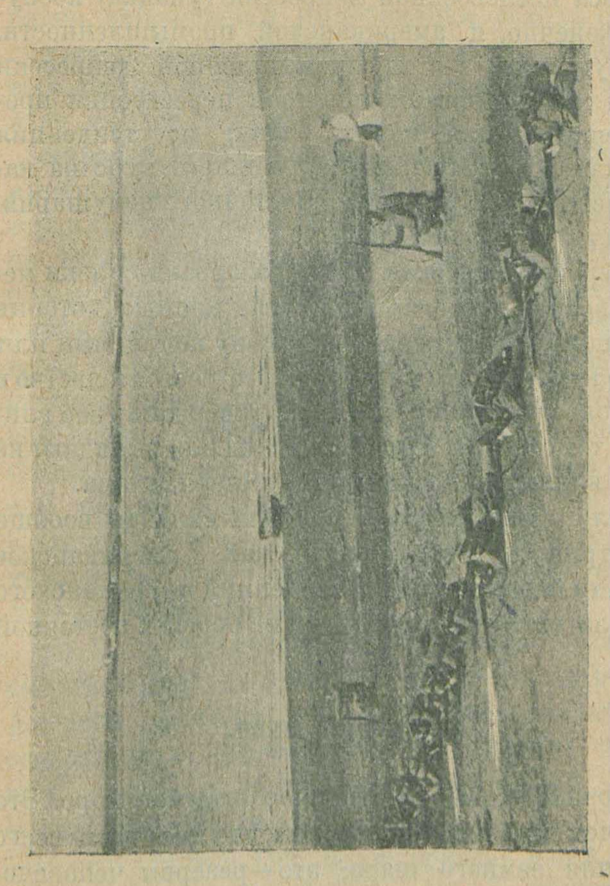
Неудивительно, что после мировой войны Америка заявила:

„Не желаю вмешиваться в европейские дела!"

Америка подошла к такой позиции по отношению к Западу, как делец, который понимает безнадежность своего должника и отказывается от дальнейших дел с ним, считая, что это приведет его еще к бо̀льшим убыткам: ибо Европа больше для Америки не рынок, так как у нее нет золота для того, чтобы платить за американские товары, а давать эти товары в кредит Европе Америка не желает.

В этом, собственно, и лежит ключ к пониманию того охлаждения Америки к европейским делам, которое мы наблюдаем в последние годы.

Вопреки уверениям, что Америка не может обойтись без Европы, американский капитал сейчас ведет большую работу по организации Восточного полушария, как большого и емкого рынка,

Внезапное нападение Японцев, начатое с Красной речки по Амуру.

приспособленного для сбыта американских фабрикатов.

Полоса послевоенной депрессии (упадка) коснулась, конечно, и американской промышленности. Большую роль в этой промышленной депрессии сыграл момент организационной перестройки промышленности для новых задач; но тенденция американского капитализма, взявшего курс на капиталистическое развитие Восточного полушария, чрезвычайно показательна.

Империалистическая война разорвала связки между Европой и многими из стран Востока, которые до сих пор были питающими Европу колониями или полуколониями. Америка учла это обстоятельство в свою пользу и сейчас старается утвердить свое влияние в тех странах, которые выпали или выпадают из сферы влияния европейского империализма.

И если американский капитал склонен вообще рассматривать Тихий океан как „американское озеро", то вполне понятна тенденция американского капитала стать твердой ногою на берегах восточной Азии.

Восточная Азия.

Восточная Азия—безбрежное людское море. Это более чем миллиард населения; это две трети всего населения земного шара; это—резервы человечества; это — Китай, Корея, Сиам, Индия, Тибет и т. д.

Отсюда капиталистическая Европа черпала те материальные сокровища, которые она израсходовала в мировую войну. На костях азиатских народов европейский империализм создал свое могущество. Не даром Англия до сего времени считает Индию жемчужиной своего мирового величия и не желает расставаться с нею.

Мировая война подрезала крылья европейскому империализму; она приковала к европейскому материку Англию, Францию, Италию; она вычеркнула из числа способных делать империалистическую политику в Азии Германию; она вычеркнула из числа империалистических государств Россию, которая вместе с свержением царизма отказалась и от его империалистической политики. Если мировая война окончательно не сняла пут империалистической опеки с восточной Азии, то она во всяком случае настолько ослабила их, что народы восточной Азии смогли поставить вопрос о возможностях своего освобождения от опеки европейских империалистов.

Но если европейский империализм ослабел, то американский капитализм настолько вырос, что Америка решила воспользоваться ослаблением европейского империализма на Востоке и поставить вопрос о превращении восточной Азии в американский рынок.

И это понятно. Огромная людская масса восточной Азии—чрезвычайно привлекательная арена для деятельности такого капиталистического ко-

лосса, каким является Америка. Здесь дешевый труд, здесь же и емкий рынок; тут много сырья, тут же непочатый край величайших возможностей для приложения американского капитала. Тяжелая индустрия Америки может рассчитывать на громадную работу в связи с одним железнодорожным строительством в восточной Азии.

Первое место во всех отношениях в восточной Азии занимает, конечно, *Китай*, который представляет огромную территорию, выходящую к Тихому океану, и став на который прочно, Америка действительно могла бы считать Тихий океан „американским озером". Китай, с его 400 миллионов населения — рынок исключительного значения. Капиталистическое развитие Китая, на пути к которому он сейчас находится, несет для Америки самые заманчивые перспективы для приложения американского капитала к дешевым китайским рукам и к тем огромным сырьевым рессурсам, которыми располагает Китай.

Но в своем устремлении к берегам восточной Азии Америка встречает еще одну азиатскую страну, которая не только во многом отличается от других стран восточной Азии, но и является довольно серьезным конкурентом американскому капиталу на путях к его утверждению на азиатском берегу.

Таким соперником и конкурентом американского капитала в Восточном полушарии является *Япония*.

Япония первая из восточно-азиатских стран вступила на путь капиталистического развития. Численность населения Японии определяется около 75 миллионов (вместе с Кореей, в которой населения насчитывается около 17 милл.). Япония имеет сейчас товарообмен, выражающийся в общей сумме около двух миллиардов амер. долларов, из которых приходится 37% на долю импорта.

Сравнительно с Америкой японская индустрия, конечно, мала, но милитаризация Японии достигла гигантских успехов, и в этом отношении Япония не без основания склонна считать себя „тихоокеанской Великобританией", стерегущей на своих Японских островах азиатский материк, как настоящая Великобритания считает себя стерегущей материк Европы.

Слабость Японии заключается в том, что ее тяжелая индустрия не располагает железом, которого мало на Японских островах, но зато его много на азиатском материке, в Китае, что и побуждает Японию с первого же момента своего капиталистического развития устремить свои взоры на восточно-азиатский материк.

Япония—первая из желтых стран, получившая титул „мировой державы". И она отнюдь не склонна удовлетворяться скромной ролью владетельницы Японских островов. Она желает следовать по путям английского империализма и создать систему большого колониального владычества в Тихом океане. Она хочет получить на восточно-азиатском

материке не только устойчивый и богатый тыл, но и операционную базу для утверждения японской великодержавности в Азии. В Тихом океане она собирается бороться за морское первенство, способное закрепить за ней морские пути в тихоокеанском бассейне.

И вот, здесь-то и сталкиваются американо-японские противоречия, которые создали тихоокеанскую проблему, в основе которой лежит противоречие между американским и японским капитализмом, где каждый стремится стать гегемоном Восточного полушария.

Японский капитализм слабее американского, но он надеется быть сильным, подведя под себя в качестве базы огромные рессурсы восточной Азии. Американский капитал хочет по существу того же. Отсюда скрещение тех американо-японских противоречий, которые мы наблюдаем в Восточном полушарии.

Борьба за Китай.

Ареной столкновения американо-японских противоречий для настоящего дня явился Китай, где сейчас происходит ожесточеннейшая борьба за утверждение своей гегемонии между Японией и Америкой. Каждая из борющихся сторон имеет в этой борьбе свои сильные и слабые стороны.

К числу сильных сторон Японии нужно отнести ее близость к Китаю и не только территориальную,

которая, уже сама по себе, дает Японии много преимуществ, но Япония близка Китаю по своей культуре, по письменности, которую она в свое время заимствовала у Китая и теперь, несмотря на свое приобщение к европейской цивилизации, тем не менее, удержала. Японец всегда, при помощи этой письменности, легко может сговориться с китайцем, и это делает положение японца более выгодным по сравнению с американцем, который должен прибегать к посреднику переводчику, что затрудняет непосредственное общение между американцами (европейцами) и китайцами.

К числу слабых сторон Японии нужно отнести заносчивость ее милитаристических правящих кругов, которые, утверждая свою великодержавность в восточной Азии, строили ее прежде всего за счет жизненных интересов Китая и поэтому усвоили манеру смотреть сверху вниз на Китай и китайцев; это настолько восстановило китайцев против японцев, что ненависть китайца к японцу стала патриотическим долгом каждого китайца.

В соответствии с этим и политика Японии к Китаю в своей традиции сделалась политикой грубой силы, наскока и агрессивности.

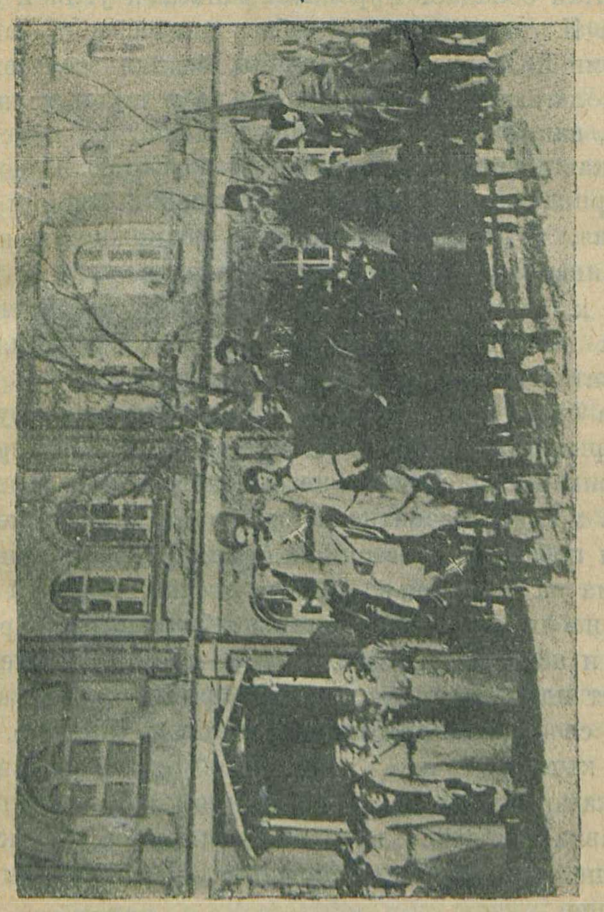
В противоположность Японии, Америка действует в Китае очень осторожно и на протяжении десятилетий старается противопоставить себя другим, как страну, которая не заинтересована в грабеже Китая, чем обычно занимаются другие страны.

Наоборот, Америка во всех случаях выступает в роли „защитника“ интересов Китая, хотя это, конечно, не мешает ей брать от Китая все, что берут другие империалисты. Однако, такая политика создала Америке в глазах китайцев репутацию „бескорыстного друга“, который часто противопоставляется хищной Японии.

Сейчас Америка широко использует эту свою репутацию „друга“ Китая в борьбе против Японии. Опираясь на нарождающуюся китайскую буржуазию, которая полна ненависти к японской буржуазии, являющейся, по существу, ее конкурентом,— Америка энергично теснит Японию из Китая.

Капиталистическая Америка, в противоположность опекающим Китай державам Запада, выдвигает вопрос о консолидации Китая, как единого целого. Мощный капиталистический колосс Восточного полушария не боится перспективы усиления Китая; но он ставит практическую задачу — при помощи консолидированного Китая свернуть шею японскому империализму, как своему конкуренту в борьбе за господство в Восточном полушарии.

Выдвигая идею консолидации Китая, Америка убивает двух зайцев: во-первых, получает возможность работы на Китай, как емкий рынок, о чем мы выше говорили, и во-вторых, превращает Китай, если не в грозную силу, способную покончить с японским империализмом, то, во всяком случае, в угрозу Японии с тыла азиатского

Сподвижники японской интервенции.

материка, что существенно облегчит стратегическую задачу борьбы Америки против Японии.

Китай обладает мировыми запасами угля и железа. И это, несомненно,—база для развертывания огромной индустрии. Япония, бедная железом и располагающая углем далеко не в таком количестве, как это нужно было бы для могучей морской державы, естественно, тяготеет к Китаю. И когда Америка ставит задачу вытеснения Японии из Китая, то ей четко рисуется возможность присоединения этих мировых резервов угля и железа к общим запасам Америки, а это, несомненно, одна из предпосылок дальнейшего усиления и развития американского капитализма.

На базе этих рессурсов и того дешевого труда, которым располагает восточно-азиатский материк, американский капитал, несомненно, может развернуть мощное развитие капитализма на тихоокеанском побережье восточной Азии. Тот рост капитализма на побережье Тихого океана, который мы там наблюдаем сейчас, есть не больше, как проба сил и нащупывание тех путей, по которым легче будет идти американскому капиталу к утверждению своего господства на азиатском материке.

В качестве очень характерной иллюстрации к высказанным нами соображениям может явиться справка о борьбе за китайский рынок, происходившей в период империалистической войны на Западе.

Англия, бывшая долгое время монополисткой на китайском рынке, за время империалистической войны потерпела серьезный урон. Так, в 1913 году ее ввоз в Китай составлял 48% всего ввоза, а японский только 19%; к 1918 году английский ввоз пал до 39%, а японский возрос до 39%.

Сейчас на арену борьбы выступает американский капитал. До войны доля Америки была равной 8% ввоза, к 1918 году процент поднялся до 16. Еще более увеличился рост американского капитала, вложенного в предприятиях, возникающих в Китае.

Америка сейчас ввозит в Китай преимущественно орудия производства и вывозит полуфабрикаты и готовые ремесленные изделия. Япония ввозит в Китай средства потребления и вывозит сырье. Англия старалась до сих пор делать то и другое, т.-е. вывозить из Китая сырье и ввозить как орудия производства, так и средства потребления.

Сопоставляя тенденции японского и американского капитала, можно сделать такой вывод:

Японии нужен Китай как продовольственная и сырьевая база, как экономическая основа для ее укрепления. Японский империализм стремится к одному—выжать из Китая все, что может усилить и обогатить Японию.

Америка с ее мощным капитализмом в борьбе за гегемонию в Восточном полушарии невольно содействует развитию промышленности в Китае

и усилению его военно-техническим снаряжением. А это, конечно, есть не что иное, как консолидация Китая, которая должна усилить его и противопоставить японскому империализму.

Если когда-нибудь это осуществится, то американский империализм может считать свои планы осуществленными: во-первых, он уничтожит Японию как своего конкурента, и утвердившись на берегах Тихого океана, действительно превращает последний в „американское озеро"; с другой стороны, своим утверждением в Азии капиталистическая Америка создает в Азии тот капиталистический барьер-баррикаду, которую нужно будет взять приступом для того, кто поставит себе задачей нарушить капиталистическое равновесие Восточного полушария.

Дальневосточная политика Японии.

Японии, в борьбе за утверждение своей великодержавности на азиатском материке, пришлось учесть враждебные тенденции американского капитала. Но Япония на ряду с этим столкнулась еще и с другой опасностью, которая обнаружилась почти на другой день после того, как Япония вышла за пределы своих японских островов и вступила на путь международного общения.

Такую опасность принес для Японии империализм царской России, которая в своем устремлении к берегам Тихого океана обнаружила откро-

венную агрессивность по адресу Японии. После первых попыток молодой Японии расширить свое влияние в Азии за счет Китая ей пришлось почувствовать тяжелую руку русского царизма, который сводил на нет победы молодого японского империализма. Так было после Японо-Китайской войны 1894 года, когда Япония хотела получить Ляодунский полуостров, который у нее из-под носа выхватила царская Россия.

Вообще, царская Россия представляла настолько реальную угрозу для Японии, что последняя серьезно задумалась над необходимостью парализовать эту угрозу, ибо Япония понимала, что русский Дальний Восток представлял для японских островов опасный тыл, со стороны которого Японии мог быть нанесен очень серьезный удар. И еще более угрожающим этот русский тыл был в отношении Манчжурии и Кореи, где японский милитаризм уже в тот момент предполагал утвердить базу для своего дальнейшего наступления на Китай.

В качестве основной предпосылки для своего укрепления на азиатском материке Япония должна была во что бы то ни стало закрепить за собою Корею и Южную Манчжурию. Здесь имелись железо, уголь и хлеб, которые нужны были японскому милитаризму для укрепления Японии. Отсюда и вытекала неизбежность столкновения с Россией, которая к тому моменту тоже ставила своей задачей укрепление в Манчжурии.

Русско-Японская война 1904—5 г.г. была столкновением русско-японских противоречий на Дальнем Востоке. В этом споре Япония ставила своей задачей обессилить Россию на Дальнем Востоке и закрепить за собою право на Корею, Манчжурию и Сахалин. Но, несмотря на победу Японии, царская Россия тогда играла еще большую роль в концерте держав, и Япония, получив существенное, тем не менее, во многих из своих требований должна была уступить.

Однако, первый успех окрылил Японию, и ее милитаристические круги не удовлетворились своей первоначальной задачей—обессилить Россию на Дальнем Востоке; они поставили себе целью отбросить Россию от берегов Тихого океана. Как и вообще в своей азиатской политике, Япония поставила целью создать из всего тихоокеанского побережья барьер-буфер, который должен был бы предохранять Японию от возможностей нападения со стороны азиатского материка.

Линию этой предполагаемой обороны японских островов со стороны азиатского материка японские стратеги намечали — Ханькоу, Пекин, Мукден, Харбин, Хабаровск и Николаевск на Амуре. Именно по этой мыслимой линии Япония предполагала распространить свое влияние, подкрепив его соответствующей реальной силой, которая, по мысли японского генерального штаба, должна была концентрироваться в Корее и Южной Манчжурии и

иметь своими флангами Китай и прибережную полосу русского Дальнего Востока.

Мировая империалистическая война дала для Японии возможность сделать попытку осуществления ее плана как в отношении русского Дальнего Востока, так и в отношении Китая.

Русская революция заставила японский генеральный штаб несколько корректировать свой первоначальный план. Если она дала возможность японцам совместно с другими союзниками осуществить интервенцию Дальнего Востока, т.-е. фактический его захват, то на ряду с этим японские империалисты, под флагом спасения Китая от русского большевизма, навязали Китаю свою помощь в деле охраны его манчжурских и монгольских границ, что японцы использовали для своего укрепления в Манчжурии и Монголии.

Здесь Япония выдвинула идею буфера-барьера между Россией и Китаем, которая должна была изолировать Китай от России и тем, по мнению японских стратегов, облегчить осуществление японских планов в Китае. Именно в тесной связи с этими планами Японии нужно рассматривать японо-китайское военное соглашение, которое было Японией навязано Китаю; именно поэтому Япония поддерживала „монгольского наместника“ маленького Сюй-Ши-Чена, а равно ген. Чжан-Цзо Лина.

То же самое нужно сказать и о героях русской контр-революции в роде атамана Семенова, барона

Унгерна и других, руками которых японский генеральный штаб осуществлял свою политику буферов-барьеров.

Япония в Китае.

Главной целью японской политики в Восточной Азии является, конечно, Китай. Утверждение японской гегемонии в Китае—основная задача, к которой стремятся наиболее азартные японские империалисты. И в отношении к этой задаче стоят в подчинении все остальные, которые Япония ставит в порядке тактической необходимости на Дальнем Востоке.

Но подчинить себе четыреста или пятьсот миллионов китайцев, конечно, задача крайне нелегкая; здесь нужно подумать над методами осуществления такой грандиозной задачи. И нужно отдать справедливость Японии, она много и серьезно думала и продолжает думать над этой задачей.

Если после Русско-Японской войны Япония получила возможность утвердиться в Южной Манчжурии, то после империалистической войны на Западе Япония поспешила захватить германское наследие в Китае в виде Шаньдуня, а во время войны, пользуясь тем, что она почти в единственном числе охраняла „мир“ на Дальнем Востоке, Япония попыталась навязать Китаю целый ряд всякого рода договоров и требований, из которых самым знаменитым является т.-н. „двадцать одно требование“. За время войны Япония усилила свои

гарнизоны в целом ряде стратегических пунктов Китая; на севере Китая ввела японских инструкторов и вновь сформированную китайскую армию, предназначенную якобы для защиты границ Китая на севере, но на самом деле имевшую назначение укрепить позиции Японии в Манчжурии, ибо, как известно, Россия в этот период не собиралась воевать с Китаем, и, конечно, такой армии для этой цели Китаю было не нужно.

В своем стремлении удержать Шаньдунь в своих руках Япония поставила своею задачей взять под свой контроль китайское центральное правительство, находящееся в Пекине.

Для достижения этой цели Япония сделала две попытки. Первая, это поддержка партии „Клуба Аньфу“, состоящего из приверженцев маршала Дуан-Ци-Джуя и его друзей из провинции Аньхой. Вторая попытка—поддержка ген. Чжан-Цзо-Лина, генерал-инспектора трех провинций Манчжурии.

И в том и другом случае Япония потратила очень много японского золота и усилий; но в обоих случаях Япония потерпела серьезную неудачу. В обоих случаях японским планам была противопоставлена национальная сила Китая в лице ген. У-Пей-Фу, который не без косвенного влияния Америки, пользуясь превосходством своего центрального положения, разбил сначала аньфуистов, а затем и Чжан-Цзо-Лина.

Между тем и в 1920 году, когда у власти были аньфуисты, и в начале 1922 года, когда пекинский кабинет формировался согласно желанию Чжан-Цзо-Лина, Япония по существу была близка к осуществлению своей цели—поставить китайское правительство под свой контроль. Целый ряд лиц из продажного китайского мандарината ориентировался на Японию и, поднимаясь при ее помощи к власти, готов был поддерживать японские интересы в своей деятельности. Таковым являлся Лян-Ши-И, премьер того кабинета, который должен был помочь Японии отстоять Шаньдунь вопреки решению о передаче последнего Китаю. Она рассчитывала, что при помощи этого кабинета ей удастся оттянуть передачу, а затем и вообще аннулировать это невыгодное для Японии решение союзников.

Но здесь Япония столкнулась с очень тонкой политикой Америки, которая во - время сумела подсказать У-Пей-Фу, что ему нужно во имя национальных интересов Китая дать отпор проискам японского империализма, и У-Пей-Фу такой отпор дал. В 1920 году он разбил аньфуистов и заставил их бежать под охрану японского посольства; в 1922 году он разгромил войска Чжан-Цзо-Лина и отбросил его обратно в Манчжурию, нанеся этим решительный удар планам Японии в Китае.

После разгрома Чжан-Цзо-Лина Япония чуть-чуть не потеряла все свои позиции в Китае. Во всяком случае ей пришлось ускорить разрешение

вопроса с передачей Китаю Шаньдуня, ей пришлось начать выводить свои гарнизоны из центрального Китая и напрячь все усилия для того, чтобы отстоять Чжан-Цзо-Лина, с которым она расставаться пока не желает, рассчитывая, что, возможно, судьба изменится, и для Японии вновь будет возможность попытать счастья с установлением своего контроля над Китаем.

Но сейчас Япония, несомненно, потерпела очень серьезное поражение в Китае, где она выбита если не из всех позиций, то во всяком случае из многих. Манчжурия—пока единственное место, где Япония сидит прочно. Но и здесь она начинает чувствовать обходное движение со стороны Америки, которая очень интересовалась Манчжурией и, учитывая ее стратегическое значение, как тыла Японии, пыталась противопоставить японскому влиянию американское. Этот обход Америкою в тыл Японии очень обеспокоил последнюю, и это было одной из причин, почему Япония поспешила с предложением о необходимости уничтожения междусоюзного контроля на Китайско-Восточной жел. дороге.

Япония под „стеклянным колпаком".

Америка, будучи вовлеченной в империалистическую войну на Западе, на время оставляла восточную Азию и этим дала возможность Японии, как мы видели выше, усилить свои позиции на Дальнем Востоке.

После Версальского мира Америка вновь возвратилась к своей восточно-азиатской политике, и, конечно, она не могла примириться с тем положением, которое она нашла в Восточной Азии. Перед американским капиталом стала сложная задача борьбы с Японией для того, чтобы выбить ее из тех позиций, которые она успела занять в момент империалистической войны на Западе.

Описанные нами неудачи Японии в Китае есть результат активной политики Америки последних месяцев в Китае. Но прежде, нежели вступить на этот путь, Америка предприняла чрезвычайно выгодный для себя маневр в виде созыва т.-н. Вашингтонской конференции, которая дала возможность дипломатическим путем поставить Японию под „стеклянный колпак" наблюдения Америки.

Несомненно, в таком положении находится сейчас в Восточном полушарии Япония, которая вошла в так-называемый „союз четырех", родившийся на Вашингтонской конференции. Америка, Англия, Франция и Япония, подписывая четверное соглашение, обязали взаимно друг друга к известным ограничениям в морском вооруженном строительстве и попутно приняли ряд решений, устанавливающих политику „открытых дверей" в приложении к Восточной Азии, т.-е. главным образом к Китаю.

Смысл и сущность этой политики „открытых дверей" заключается в том, что американский ка-

питал получает возможность свободного проникновения на азиатский материк и затем свободной конкуренции со своими противниками. Для мощного американского капитала это выгодно, для японского капитала, наоборот, это выгоды не представляет, ибо он нуждается в привилегиях

Разрушение японской артиллерией железной дороги.

и защите, что создает необходимость политики колониального протекционизма и т.-н. „сфер влияния". Япония держала курс на сохранение сфер влияния и особенно в той части восточно-азиатского материка, которая должна была служить для Японии исходной базой для ее наступления на Китай, т.-е. Манчжурии и отчасти Шаньдуня.

Америка, добившаяся в Вашингтоне расторжения англо-японского союза и тем самым, следовательно, изоляции Японии, при поддержке Англии и Франции обязала Японию возвратить Китаю Шаньдунь, а равно вывести иностранные гарнизоны из Китая, передать почтовые функции Китаю и пересмотреть тарифные ставки.

Этими постановлениями Америка наносила Японии сокрушительный удар. Ибо, если постановление о передаче Шаньдуня было направлено непосредственно против Японии, то вопрос о выводе иностранных гарнизонов из Китая был косвенно направлен тоже главным образом против японских империалистов, имевших больше других в Китае своих войск.

Кроме этого, „союз четырех", взявший на себя обязанности поддерживать мирное равновесие в Тихоокеанском бассейне, обязывал каждого из подписавших этот договор согласовывать свои действия с другими своими союзниками. И здесь изолированная и взятая под подозрение Япония являлась тем меньшинством, над которым было организовано наблюдение трех великих держав, две из которых—Англия и Франция—как бы передоверяли свои права Америке, которая таким образом, на основе формального решения Вашингтонской конференции, являлась как бы главным стражем спокойствия в Восточном полушарии.

Япония понимала всю невыгодность для себя такой политической комбинации, когда она попа-

дала под надзор Америки. Но политическая обстановка диктовала Японии „смирение“ и ее делегаты в Вашингтоне принуждены были подписать все, что им предложили.

Неудивительно поэтому, что после Вашингтонской конференции японский империализм начал судорожно сжиматься. А когда ему в Китае пришлось потерпеть ряд серьезных неудач, о которых мы говорили выше, то это сжатие пошло еще интенсивнее. Японский генеральный штаб поставил вопрос о пересмотре всей программы „обороны Японии“, что нужно понимать как „план наступления Японии“. И если японские милитаристы принуждены были заняться пересмотром своих планов, то это характеризует, как серьезно она оказалась ущемленной Америкой.

И Япония не только принуждена была пересматривать свою программу деятельности в Китае: ей пришлось пересмотреть также и свою политику в отношении к русскому Дальнему Востоку, где в результате этого пересмотра пришлось поставить вопрос о ликвидации японской интервенции.

II. Россия и Япония на Дальнем Востоке.

Одним из главных виновников союзнической интервенций в Сибири и особенно на Дальнем Востоке несомненно является Япония, которая проявила исключительную активность в истории вмешательства союзников в русские дела на Дальнем Востоке.

Если формально союзники начали интервенцию, мотивируя необходимостью помочь чехо-словакам, оказавшимся в „бедственном“ и затруднительном положении в Сибири, то фактически Америка предложила Англии, Франции и Италии послать свои войска в Сибирь, потому что Америка не желала допустить Японию одну хозяйничать в Сибири и на Дальнем Востоке. Япония еще в апреле 1918 года, высадив свой десант во Владивостоке, по существу поставила союзников перед фактом начала своей интервенции и этим самым заставила их подумать о необходимости координировать (согласовать) свои действия с нею.

Оставить Японию одну на Дальнем Востоке союзники не пожелали и поэтому принуждены

были ее агрессивность по отношению к России освятить своим участием в начавшейся японской интервенции. Англия и Франция пытались поставить ставку на Колчака, но в течение одного года принуждены были убедиться в безнадежности своего предприятия.

Не то Япония. Она была активной почти на протяжении четырех лет. Применительно к русскому Дальнему Востоку всю политику союзников делала она. И если в отношении Сибири она предоставляла Англии и Франции некоторую инициативу, занимая выжидательную позицию наблюдателя, то в отношении Дальнего Востока Япония дирижерской палочки из своих рук не выпускала. Семеновщина, калмыковщина, унгерновщина, черное Приморье и другие авантюры,—все это дело рук японских милитаристов, которые очень ловко использовали русских контр-революционеров в своих интересах.

Роль наблюдающего за Японией играла здесь Америка, которая очень внимательно следила за действиями японских милитаристов. Именно результат этого внимательного наблюдения за Японией и привел Америку к созыву Вашингтонской конференции, где Америка высказала ряд своих пожеланий, с которыми в дальнейшем Японии, несомненно, придется считаться, как сейчас пришлось считаться с постановлениями по китайскому вопросу.

Для того, чтобы понять сущность взаимоотношений России и Японии на Дальнем Востоке, мы позволим себе остановиться на перипетиях борьбы за Дальний Восток, имевших место в период с 1920 года и по настоящий момент, когда эта борьба в первой своей фазе заканчивается победой России.

Эта борьба достаточно ярко вскрывает замыслы японских империалистов по отношению к русскому Дальнему Востоку, и дает понимание тех задач и целей, которые ставит себе в Восточной Азии японский империализм.

Причины возникновения ДВР.

В 1919 году, когда вооруженное вмешательство союзников потерпело крах, когда Советская Россия победоносно опрокидывала один контр-революционный фронт за другим,—именно в этот момент союзники выдвинули идею изоляции Советской России путем окружения ее системою буферных государств, которые должны были по замыслу авторов этого проекта играть роль своеобразного кордона, предохраняющего капиталистический мир от „большевистской заразы“.

К этому моменту оказался приуроченным разгром сибирской реакции на Востоке, где Красная армия разгромила Колчака, наиболее сильного из реакционных претендентов на власть, и жалкие остатки его бывших войск выбросила на территорию Дальнего Востока за Байкал.

Перед остановившейся на рубежах оз. Байкала Красной армией стояла задача дальнейшего продвижения на Восток для окончательной ликвидации контр-революции на Дальнем Востоке. Но выполнение этой задачи упиралось в необходимость вступить в борьбу с Японией, ибо последняя в тот момент имела свои войска в Забайкалье, где она поддерживала сидевшего тогда в Чите пресловутого атамана Семенова.

Конечно, война с Японией для Советской России вообще мало улыбалась. Эта война надолго бы приковала Россию к Дальнему Востоку и тем самым дала бы возможность союзникам на Западе обрушиться на рабоче-крестьянскую республику со всею возможною для них силою. Начало польского наступления весною 1920 года как нельзя больше подтвердило эти опасения. Именно, союзники, рассчитывая, что Советская Россия, увлеченная разгромом Колчака, бросит всю свою, Красную армию в Сибирь, выпустили поляков надеясь на возможность разгрома России на польском фронте.

Но союзники ошиблись. Советская Россия не дала себя увлечь на Дальнем Востоке; она трезво оценила политическую обстановку того времени и решила дальнейшего наступления на Дальний Восток не производить, а, закрепившись на рубежах Байкала, защищать только Сибирь. Что же касается Дальнего Востока, то здесь выдвинуть идею буферного государственного образования и,

попытаться изжить сибирскую контр-революцию борьбою самого местного населения, которое уже в тот момент на всей территории Дальнего Востока вело ожесточенную партизанскую войну за освобождение Дальнего Востока от засилья реакции и японской интервенции.

Буфер был признан как необходимость, вытекавшая из нашей временной слабости на Дальнем Востоке. Для того, чтобы обосновать необходимость буфера и в особенности его приемлемость для Японии, Россия выдвинула такую формулировку целей, которые она преследует своим согласием на образование буфера:

„Советская Россия стремится создать такую зону, где капиталистические государства имели бы возможность получить привычные для них условия, способные облегчить установление нормальных торговых отношений“.

Но как оказалось несколько позднее, нам не было особенной необходимости обосновывать идею дальневосточного буфера, ибо мысль о последнем бродила в то время и в умах японских дипломатов. Отчасти здесь были идеи Запада, откуда японская дипломатия черпает образцы для подражания, отчасти же это подсказывалось дальневосточной действительностью того времени.

Именно в этот период общесоюзническая сибирская интервенция переживала тяжелый кризис. С разгромом Колчака почти для всех союзников стало ясным, что им больше в Сибири не на что

рассчитывать и что они должны как можно скорее выводить свои войска. Америка, Англия, Франция и Италия поспешили свои войска вывезти с Дальнего Востока. Оставалась лишь одна Япония, которая отнюдь не желала выпускать из своего маленького, но хищного рта огромного и лакомого куска—русского Дальнего Востока, и вот это-то и заставило японских милитаристов и их дипломатию искать какого-то выхода.

Таким выходом для японских милитаристов представлялась идея буфера. Они думали, что, опираясь на услужающих им русских реакционеров, они повторят свой опыт с Кореей и вложат в дальневосточный буфер нужное им японское содержание, которое облегчит Японии задачу укрепления последней на русском Дальнем Востоке.

Буфер в виде Дальне-Восточной Республики получил свое осуществление в Верхнеудинске, где партизанское движение, отвоевавшее у Семенова часть территории, декларировало образование Дальне-Восточной Республики, которую Москва признала.

Широкое партизанское движение с каждым днем увеличивало размеры Дальне-Восточной Республики. Прежде других освободился Амур, который начал наступление в тыл Семенову, сидевшему в Чите. Окруженный железным кольцом партизанских отрядов, атаман Семенов в конце-концов принужден был из Забайкалья бежать. Чита была

занята красными партизанами и превратилась в столицу Дальне-Восточной Республики.

Отдавая дань декларированным демократическим принципам Дальне-Восточной Республики, было созвано Учредительное Собрание по всем правилам демократического искусства, которое тем не менее дало большинство рабочим и крестьянам Дальнего Востока. Это Учредительное Собрание окончательно закрепило Дальне-Восточную Республику как форму государственного устройства, которая должна была быть приемлемой для „любителей демократии“—японских империалистов.

Черный „приморский буфер“.

Но, как и следовало ожидать, японские милитаристы отнюдь не обнаружили преклонения перед демократией, которая дала большинство сторонников Москвы. И это понятно: Япония меньше всего желала укрепления России на Дальнем Востоке и консолидации (укрепления) ее сил. Наоборот, она была заинтересована в ослаблении России, распылении ее сил, и то собирание Дальнего Востока, которое началось вокруг Читы, отнюдь не соответствовало интересам Японии.

Отсюда и возник тот черный „приморский буфер“, который на протяжении почти двух лет был очагом дальне-восточной контр-революции.

Наибольший практический смысл для Японии заключался в удержании за собою всей примор-

ской полосы с двумя городами: Владивостоком и Николаевском на Амуре. Еще в момент Версальской конференции Япония домогалась от союзников мандата на контроль над этими двумя русскими портами на Тихоокеанском побережье. И это понятно. Вся русская Тихоокеанская побережная полоса имеет для Японии стратегическое значение, и господство Японии здесь чрезвычайно заманчиво для японских милитаристов.

Поэтому, выводя свои войска в 1920 году из Забайкалья и Амурской области, Япония не только оставила их в Приморской области, но летом заняла северный Сахалин и весь Удский уезд, господствующий над устьем Амура.

И вот здесь, в Приморской области, под защитой японских штыков дальне-восточная контрреволюция не только нашла приют, но и получила возможность образовать черный буфер, основной задачей которого была борьба против ДВР.

Ни для кого, конечно, не было секретом, что т.-н. „правительство“ Спиридона Меркулова было не больше, как русская ширма для японского владычества в Приморской области. Действительным хозяином положения явился японский командующий экспедиционным корпусом и его штаб, которые диктовали свою волю населению Владивостока и всему Приморью.

Каппелевцы, семеновцы, калмыковцы и прочий вооруженный сброд, который изображал армию меркуловского правительства, был нужен японцам

для того, чтобы время от времени выпускать этот сброд против ДВР и этим создавать в крае обстановку гражданской войны, которая должна была до поры до времени служить оправданием пребывания японских войск на территории Дальнего Востока. Ибо главным мотивом оставления Японией ее войск в Приморье являлся аргумент необходимости защиты пресловутых японских резидентов, живущих на Дальнем Востоке.

Руками этих вооруженных белогвардейских банд, по существу, японские милитаристы делали одно дело—это уменьшали численность русского населения Дальнего Востока и в конец разрушали его хозяйственную мощность. Особенно это относится к последнему году пребывания японцев в Приморской области, когда они все больше и больше убеждались, что им придется уходить из Приморья, и поэтому японские милитаристы стремились к одной цели—как можно больше принести вреда России, как можно больше сделать разрушений, чтобы и без того разоренная Россия в течение многих лет была бессильной на берегах Тихого океана.

Еще во время империалистической войны владивостокский порт был складочным местом для товаров и военного снаряжения, которое должно было из Америки и Англии следовать в Россию. Во владивостокских складах скопилось этих грузов на огромные суммы. Вот эти то грузы и послужили основной материальной базой, питающей

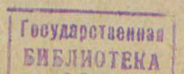
дальне-восточную реакцию. Япония наложила на них свою лапу, и это облегчило ей содержание Семеновых, Меркуловых, Дитерихсов и других персонажей дальневосточной реакции.

Когда же все запасы товаров, находившиеся на складах владивостокской таможни, были распроданы и расхищены и перед Японией встал вопрос о необходимости новых ассигнований за счет японской казны, то японцы не только охладели к своим приказчикам, но и вообще задумались как над целесообразностью дальнейшего существования черного „приморского буфера", так и над своим дальнейшим пребыванием на территории русского Дальнего Востока.

На самом деле, что дал Японии „приморский буфер"?

Ничего. Даже больше, он в конец дискредитировал идею японских милитаристов применить к русскому Дальнему Востоку методы, примененные в свое время японскими генералами в Корее. Русское население Дальнего Востока оказалось мало похожим на корейцев, да и самая политическая обстановка на Дальнем Востоке для сегодняшнего дня оказалась мало благоприятной для того, чтобы Япония могла свободно и легко скушать Приморье, как она когда-то сделала с Кореей.

Японские милитаристы провалились с попыткой образования черного „приморского буфера" и должны были поставить вопрос о своей эвакуации из Приморской области.

Перед концом японской интервенции.

Вопрос об эвакуации японских войск с русской территории Дальнего Востока есть основной вопрос нашей русской дальневосточной политики. Японский штык был стержнем всей дальневосточной реакции. Он же держал в напряжении и состоянии гражданской войны Дальний Восток в течение почти пяти лет японской интервенции, которая началась высадкой японского десанта 5-го апреля 1918 года.

И самый факт возникновения ДВР есть следствие японской интервенции: ибо не будь японского штыка, угрожающего рабочему и крестьянину Дальнего Востока, они, конечно, не стали бы городить огород демократической канители, а сразу бы организовали власть советов, которая является наилучшей формой власти трудящихся.

Но японский милитаризм был силен. Он отнюдь не желал сдавать своих позиций и, несмотря на внутреннюю оппозицию в русском вопросе среди японской общественности, японские милитаристы продолжали настаивать на дальнейшем пребывании японских войск на Дальнем Востоке. Они исходили из соображений большой стратегии японского генерального штаба, который рассматривает русский Дальний Восток как тыл Японии в отношении Манчжурии и Кореи, которые являются операционной базой Японии в ее борьбе за утверждение ее господства в Китае.

И только тогда, когда Япония потерпела жесточайшее поражение в своей китайской политике в результате разгрома сначала аньфуистов, а затем ген. Чжан-Цзо Лина, для нее вопрос стратегического значения русского Дальнего Востока несколько потускнел.

Это одна из причин, которая сделала японских милитаристов уступчивыми в вопросе эвакуации японских войск из Приморья.

Другой причиной в этом вопросе послужил внутренний кризис, который переживает сейчас Япония. После военного периода расцвета японской промышленности последняя переживает сильнейшую депрессию (упадок). Между тем, расходы на армию и вооружение отнюдь не сокращаются, вызывая все большее и большее напряжение налогового пресса, и без того угнетающего трудящиеся массы Японии.

Японская буржуазия, испытывающая острее других застой в промышленности, начинает ожесточенную борьбу с японскими милитаристическими группировками. Для японской буржуазии вопрос стоит не только в плоскости сокращения расходов на вооружение, но вообще в переходе от войны к миру. Она хочет торговать и заниматься промышленностью, а для этого нужно хотя бы относительное спокойствие и более или менее нормальные международные отношения, чего милитаристическая Япония не имеет.

В Китае японская политика привела к бойкоту японских товаров, на русском Дальнем Востоке японская буржуазия совсем перестала торговать. Не удивительно, что это повлекло за собою оппозиционное отношение японской буржуазии к политике японских милитаристов, держащих власть в своих руках.

На фоне общих неудач японской политики в Восточной Азии крах черного „приморского буфера", на который японские милитаристы возлагали большие надежды, приобрел особенно выпуклое значение, и не удивительно, что оппозиция к японским военным кругам еще больше возросла, и последним пришлось сдать свои позиции и согласиться на вывод японских войск из Приморья.

Поставленная перед необходимостью уйти из Приморья, Япония вместе с тем не теряла надежды получить за это компенсацию в виде договора, который она рассчитывала подписать в Чань-Чуне, где должна была произойти встреча Японии с ДВР и Россией.

Чаньчунская мирная конференция была второй попыткой мирных переговоров между Россией и Японией. Первая попытка была сделана в конце 1921 года, накануне Вашингтонской конференции, когда японская дипломатия предложила ДВР начать переговоры в Дайрене.

Победители в Хабаровске.

От Дайрена к Чань-Чуню.

Накануне Вашингтонской конференции Япония, в предчувствии возможной изоляции в новой международной группировке, которая должна была сложиться в Вашингтоне, несколько изменила свою тактику в отношении к Дальне-Восточной Республике. До этого она упорно отрицала возможность признания ДВР в качестве существующего государственного образования на Дальнем Востоке. Перед Вашингтонской конференцией Япония, сделав крутой поворот, вдруг согласилась на ведение переговоров с ДВР. Переговоры начались в августе 1921 г. в Дайрене (бывший город Дальний).

Зачем пошла Япония в Дайрен?

Устами своих делегатов она заявила, что на Дайренской конференции она хочет заключить торговое соглашение с ДВР, по примеру англо-русского соглашения, которое гарантировало бы мирное и дружеское сожительство Японии и ДВР на Дальнем Востоке.

Конечно, ДВР не могла отказаться от такого любезного предложения, но она выдвинула в качестве предпосылки для возможности заключения такового соглашения—эвакуацию японских войск с территории ДВР. Простая логика диктовала такую постановку вопроса. Но, к сожалению, в тот момент сознание японских милитаристов еще не

постигло этой логической необходимости, и в тех контр-предложениях, которые были выдвинуты японской делегацией, затаенные мысли японских милитаристов были выражены следующим образом.

Японцы предложили „Проект декларации“, который делегация ДВР должна была подписать:

„Правительство Дальне-Восточной Республики соглашается разоружить и уничтожить имеющиеся в настоящее время по побережью своей территории военные укрепления, и не приводить таковые в будущем к годному для стратегических целей состоянию и упразднить крепости в означенном районе, а равно не предпринимать никаких военных и стратегических сооружений и мероприятий, могущих служить угрозой по отношению к Японской империи. Кроме того, правительство Дальне-Восточной Республики изъявляет согласие на официальное пребывание и путешествие японских военных чинов в пределах своей территории. Что же касается подробностей упомянутых предметов, то таковые будут установлены особо по взаимному соглашению“ (цитировано по переводу с японского).

Здесь сказались затаенные замыслы японских милитаристов, которые сразу же, с места в карьер, заявили, что они отнюдь не думают отдавать захваченную ими русскую территорию, и что по их представлению на долю ДВР в дайренских переговорах остается одно—подписать декларацию, в которой она расписывается в признании закон-

ными всех произведенных японцами захватов. Последняя же часть японского предложения даже требует официального признания прав Японии на интервенцию. Признать же все это было равносильно превращению русского Дальнего Востока в колонию Японии на манер Кореи.

Конечно, Япония руководствовалась в такой постановке вопроса учетом реального соотношения сил на Дальнем Востоке, где японские милитаристы могли считать себя господами положения.

Однако, уже через некоторое время Японии самой пришлось признаться, что она просчиталась: ибо она припомнила, что у маленькой ДВР есть довольно мощный союзник в лице РСФСР, которая при всей тяжести своего хозяйственного положения может быть для Японии серьезной угрозой.

Это признание прозвучало по другую сторону Тихого океана на Вашингтонской конференции, где японский делегат Сидехара заявил: „Япония не питает намерения аннексировать Манчжурию, но требует признания особых интересов Японии в Манчжурии в силу своей географической близости и больших затрат, произведенных на железные дороги, при чем на эти особые интересы Япония смотрит весьма серьезно в виду агрессивности России после ее восстановления“.

Дело, конечно, было не в мнимой агрессивности России, а в том, что последняя превращалась в

слишком большую величину, чтобы ее можно было оставить вне учета при общей оценке положения на Дальнем Востоке.

Отсюда можно было сделать вывод, что роль России в международной политике становилась ясной, но когда на Дайренской конференции ДВР предложила привлечь к участию в урегулировании дальневосточной проблемы Россию, то Япония от этого уклонилась.

Сопоставляя и оценивая это, можно сделать вывод, что Япония пришла на Дайренскую конференцию совсем не затем, чтобы искренно и честно в тот момент урегулировать с Россией дальневосточную проблему, а с иными целями и задачами. Очевидно, для Японии Дайренская конференция нужна была как факт, которым Япония при случае могла козырнуть в Вашингтоне, если бы ее дела там сложились плохо. Поэтому она и не пыталась быть особенно сговорчивой в Дайрене, не особенно старалась ускорить работу конференции, а удовлетворялась лишь самым фактом существования переговоров в Дайрене с ДВР, что, по мнению японских дипломатов, должно было свидетельствовать о „миролюбивых“ настроениях Японии на Дальнем Востоке.

Так продолжалось до момента, когда в Вашингтоне вполне определилось, что англо японский союз заменяется четверным союзом (Соединенные Штаты Америки, Англия, Франция и Япония). С этого момента Япония еще меньше стала счи-

таться с Дайренской конференцией, и считая, что надобность в последней миновала, Япония сделала попытку вооруженного нажима на ДВР.

Этот момент был началом активных действий черного приморского буфера, т.-н. Владивостокского „правительства“ Спиридона Меркулова, который по указанию японского штаба направил каппелевцев в наступление на Амурскую область. Они заняли Анучино, Иман, Уссури, далее захватили на некоторое время Хабаровск. Одновременно с этим банды „бочкаревцев“ заняли Петропавловск на Камчатке, Охотск и Аян на побережье Охотского моря и даже сделали попытку продвинуться в глубь Якутской области.

А когда вся эта военная инсценировка кончилась неудачей и Народно-Революционная армия отбросила каппелевцев к Владивостоку и японские милитаристы убедились в безрезультатности своего шантажа, — Дайренская конференция кончила свое существование, как более ненужная.

Чань-Чунь понадобился Японии тогда, когда общая международная и в особенности внутренняя обстановка в Японии сложилась для японских милитаристов совсем плохо, и когда они принуждены были сами поставить вопрос об эвакуации Приморья. Но это было похоже на бегство, и вот это-то обстоятельство и заставило японскую дипломатию искать путей к тому, чтобы прикрыть отступление японских милитаристов. Чань-Чунь должен был выполнить эту задачу.

Чань-чунская конференция.

Япония, или, вернее, японские милитаристы, боятся гласности. Поэтому неудивительно, что они настойчиво домогались, чтобы очередная русско-японская конференция была в Чань-Чуне—этой маленькой станции, где Япония могла не особенно опасаться за тайны своей дипломатии.

Второй момент, характерный для японской политики, заключался в том, что Япония и на этот раз довольно долго спорила о том, с кем она собственно, на этой конференции должна разговаривать. Она предпочитала говорить с ДВР, предоставляя России не более, как роль свидетеля при этих разговорах.

Причины такой постановки вопроса со стороны Японии довольно ясны. Она мотивировала тем, что вопросы, подлежащие рассмотрению конференции, суть дальневосточные дела, и что разрешение их отнюдь не нуждается в специальном представительстве России. Но дело было, конечно, в другом. Ссылка на формальную сторону вопроса о том, что ДВР есть государственное образование независимое, по существу прикрывала боязнь Японии вплотную подойти к переговорам с Россией.

А дальнейший обмен мнений на Чань-чунской конференции вскрыл и причины этой боязни. Основной причиной этой боязни являлось нежелание японских милитаристов начинать перего-

воры непосредственно с Россией потому, что тогда нужно было бы, в качестве предпосылки для этих переговоров, поставить вопрос об эвакуации северной части Сахалина, а попутно с этим вскрыть природу т.-н. „николаевских событий“, которые японские милитаристы сделали отправной точкой для своих притязаний к России.

Ниже мы еще остановимся на этих „николаевских событиях“, сейчас же нас интересует вопрос об оккупации северного Сахалина.

Могла ли Россия с точки зрения не только своего престижа, но и существа вопроса начинать переговоры с Японией, не получив ясного ответа от последней о том, когда последняя очистит северный Сахалин?

Северный Сахалин имеет для русского Дальнего Востока огромное стратегическое значение. Это поистине стратегический ключ ко всему Дальнему Востоку. Он господствует над устьем Амура. Тот, кто господствует над Амуром, является хозяином положения, ибо он в любой момент может пустить свои канонерки и миноносцы по Амуру в глубь русских владений.

Не менее важно значение северного Сахалина и для всего северного побережья Охотского моря и Камчатки, в отношении которых северный Сахалин играет господствующую роль. Рыбные и пушные промысла, а равно и просто жизненные условия этих окраин, настоятельно диктуют, чтобы северный Сахалин был в русских руках.

Вряд ли Япония не понимает этого. Этот момент с достаточной полнотою был выяснен в свое время в Портсмуте, когда после Русско-Японской войны Япония домогалась получения Сахалина по праву победителя. Именно потому, что Япония слишком хорошо понимает стратегическое значение северного Сахалина, она сейчас и домогается оставления его за собою.

В Чань-Чуне Япония устами своего главного делегата—Мацудайра заявила, что она оставляет северный Сахалин в качестве „гарантии" за „николаевские события", а что вопрос о последних Япония не может сейчас урегулировать с Россией потому, что последняя не является признанной великими державами.

После этого, конечно, Чань-чунская конференция теряла смысл, и вопрос о русско-японских отношениях остался висящим в воздухе. Чань-чунская конференция кончилась в ничью. Но объективная необходимость эвакуировать Приморье у Японии все же осталась, и она ее должна была осуществить.

Советизация Дальнего Востока.

С большой неохотой, проволочками, но всé же Япония увела солдат из всей Приморской области. Очистила Япония Владивосток, эвакуировала она свои войска и из Удского уезда. Остались японские гарнизоны только на северном Сахалине.

Вопреки желанию японских милитаристов, Народно-Революционная армия, являющаяся частью Красной армии, получила возможность выйти к берегам Тихого океана и занять как Николаевск на Амуре, так и Владивосток.

Но японские милитаристы, уходя с оккупированной территории, постарались оставить после себя буквально пустое место. Уходя из Николаевска на Амуре, они до основания разрушили крепость Чныррах, забрали с собою весь металл, сняли рельсы железной дороги. С артиллерийской пристани увезли все, до последнего болта и гайки. С крыш сняли все цинковое железо. Увезена радиостанция, уведены русские канонерки „Вотяк", „Шквал", „Монгол", „Бурят" и пароход „Сильный". В устьях Амура поставлены минные заграждения.

Во Владивостоке после ухода японцев остались пустые помещения складов таможни, где еще год тому назад было много товаров, принадлежащих России и оценивающихся в миллиарды рублей. Теперь здесь пусто. Уведен из Владивостока весь флот. Это сделано белогвардейцами, но все суда с остатками награбленного во Владивостоке бежали в Фузан, японский порт в Корее, и это, конечно, делает Японию ответственной за расхищение русского достояния во Владивостоке.

Японцы постарались взорвать все, что хоть в какой либо степени могло иметь стратегическое значение обороны Владивостока. Так, они взорвали

ряд незаконченных оборудованием фортов в окрестностях Владивостока.

Русское оружие, хранившееся во Владивостоке в довольно большом количестве, японцы через посредство Дитерихса передали своему китайскому агенту Чжан-Цзо Лину, который сейчас готовится к борьбе против Пекинского правительства.

Словом, Япония, руками своего военного командования и находящихся в их руках белогвардейцев, перед своим уходом очень тщательно постаралась над разрушением всего, что могло бы быть использовано Россией для укрепления Дальнего Востока.

Но это не больше как слепая бессильная злоба, при помощи которой японские милитаристы хотели отомстить за свою неудачу, которую они потерпели в деле своей интервенции на Дальнем Востоке.

Крах японской интервенции и уход японцев с Дальнего Востока вместе с тем развязали руки России на Дальнем Востоке. Конечно, это еще далеко не означает, что Россия разрешила дальневосточную проблему. Но с эвакуацией японских войск Россия смогла вплотную подойти к разрешению двух задач: первой—советизации Дальнего Востока и второй—ликвидации дальневосточной контр-революции.

Если Дальне Восточная Республика была вынужденной уступкой японской интервенции, своего рода тактическим шагом, при помощи которого Рос-

сия хотела избежать вооруженного столкновения с Японией в тот момент, когда это было для России невыгодно, то переговоры в Дайрене и Чань-чуне с наглядностью доказали, как невыгодна для интересов России на Дальнем Востоке формальная независимость ДВР, которую Япония пытается использовать в своих интересах.

После крушения Чань-чунской конференции стало ясно для всех, что для разрешения дальневосточной проблемы Япония должна стать лицом к лицу с Россией, и это можно сделать лишь путем советизации Дальнего Востока.

Население Дальнего Востока, испытавшее на своей шкуре все прелести японской интервенции и питаемой ею гражданской войны, единственным выходом из создавшегося положения считало присоединение Дальнего Востока к России и установление советской власти на Дальнем Востоке.

Неудивительно поэтому, что достаточно было Дальнему Востоку освободиться от японцев, как по всей его территории начали стихийно возникать советы. Образовался такой и во Владивостоке, где гордо взвилось красное советское знамя.

Под напором этой воли рабочих и крестьян Дальнего Востока, Народному Собранию, этому парламенту ДВР, пришлось декларировать самороспуск и объявить о присоединении Дальнего Востока к РСФСР и избрать вместо правительства ДВР Дальневосточный Революционный Комитет.

Так произошла советизация Дальнего Востока.

Ликвидация дальневосточной контр-революции.

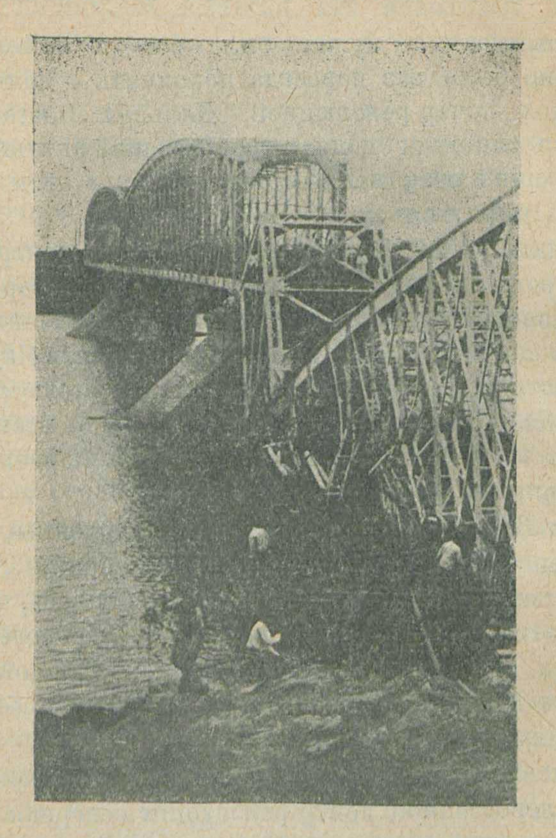
Советизация нужна была еще и потому, что нужно было раз навсегда покончить с дальневосточной контр-революцией. Дальний Восток оставался слишком долго приютом для активно действующих реакционных сил, чтобы с этим можно было мириться.

Владивосток был питающей базой, центром, из которого скопившаяся здесь банда белогвардейцев активно действовала не только в направлении ДВР, но и дальше на северо-восток Сибири, в Якутской области и на Камчатке. Из Владивостока отправлялись разного рода экспедиции по всем этим направлениям; здесь набрасывались первоначальные планы всяких авантюр.

Из Владивостока сейчас белогвардейцы выброшены. После небольшого сопротивления „народная рать" Дитерихса частью распылилась, частью, захватив во Владивостоке суда Добровольного флота, бежала под охраной японского флота к берегам Кореи, откуда она предполагает пробраться в Манчжурию.

Очевидно, для значительных кадров живой силы дальневосточной контр-революции северная Манчжурия станет вновь базой, где под покровительством Японии и ее агента Чжан-Цзо-Лина белогвардейцы будут некоторое время отдыхать и со-

бираться с силами, с тем, чтобы затем вновь начать авантюры, имея Манчжурию в качестве исходной операционной базы.

Разрушенный японцами мост.

Вообще, угроза со стороны Манчжурии – отнюдь не пустой звук, и наша основная задача на Даль

нем Востоке заключается в том, чтобы обезвредить Манчжурию для себя. В первой своей стадии это—задача дипломатического порядка: Россия должна добиться от Китая гарантий против действия враждебных ей сил в Манчжурии. Если этого не удастся достигнуть мирными путями, Россия не должна остановиться перед необходимостью разрешить эту задачу иными методами.

Другая серьезная задача ликвидации дальневосточной контр-революции заключается в том, чтобы покончить с белобандитскими отрядами, оперирующими на побережье Охотского моря. С Камчатки получены вести, что население последней своими силами расправилось с оперировавшими здесь белобандитами.

В Якутской области сейчас оперирует пресловутый ген. Пепеляев. Он опирается на Аян. Нужно во что бы то ни стало раз навсегда покончить с тем, чтобы все побережье Охотского моря испытывало террор со стороны белобандитов. Этого можно достигнуть охраной морского побережья путем крейсирования русских охранных судов. А это выдвигает в порядок дня вопрос вообще о русском флоте в Тихом океане.

Без удовлетворительного разрешения этого вопроса Россия не сможет обеспечить безопасность приморского населения русского Дальнего Востока, как не сможет удовлетворительно разрешить вопрос окончательной ликвидации белобандитского движения на северо-востоке Сибири.

III. Очередные задачи Советской России на Дальнем Востоке.

После длительной и упорной борьбы Россия вновь вышла к берегам Тихого океана и сейчас должна прочно утвердиться здесь. В связи с этим возникает ряд вопросов и прежде всего самый главный вопрос: зачем Советская Россия должна быть на берегах Тихого океана, когда центр тяжести ее жизненных интересов неразрывно связан с Европейской Россией, где находится основная масса ее населения?

На самом деле, зачем Россия стремится выйти к берегам Тихого океана; зачем она не раз сталкивалась на Дальнем Востоке с Японией; зачем в своем устремлении на Восток она проводила в своей прошлой политике агрессивность по отношению к Китаю?

Все эти вопросы невольно возникают, и если большинство находит ответ на них в приложении к прошлому, которое осуждается, то в отношении настоящего далеко не все могут объяснить причину необходимости для России вести борьбу за Дальний Восток.

Царская Россия шла на Дальний Восток, поддреживая авантюры отдельных лиц, а равно преследуя ложную идею, что отсталая в промышленном отношении Россия может быть заинтересована в дальневосточных рынках. Конечно, никакой эксплоатации дальневосточных рынков московские промышленники наладить не могли по той простой причине, что Дальний Восток был слишком далеко, а московская промышленность была настолько мала, что едва-едва обслуживала непосредственно русские потребности.

Поэтому царизм в своей империалистической политике на Востоке был беспочвенен, а все мотивы экономического порядка были мотивами надуманными и отнюдь не соответствующими действительности. Но тем не менее, от царизма Россия получила наследство на Дальнем Востоке в виде населения в количестве около двух миллионов душ и целый ряд дальневосточных вопросов, которые требовали своего разрешения, а вместе с этим, следовательно, и внимания от России к Дальнему Востоку.

Революционная Россия могла отказаться от агрессивности русского царизма, но она не могла отказаться от необходимости защищать интересы русских рабочих и крестьян, которые к моменту русской революции оказались засельщиками Дальнего Востока. Поэтому первым мотивом, почему Россия должна быть заинтересована в Дальнем Вос-

токе, являются интересы русского населения, живущего на Дальнем Востоке.

Но есть и другой момент, в силу которого Россия не может не стремиться к берегам Тихого океана.

Выше мы говорили об исторической роли Востока, который для будущего должен явиться ареной гигантского капиталистического развития. Дальний Восток—преддверие к Восточному полушарию, куда перемещается центр тяжести развивающейся мировой экономики, поэтому и роль Дальнего Востока становится исключительной. Сейчас между Америкой и Японией развертывается гигантская борьба за Китай и азиатские народы, которые восточным империализмом рассматриваются как база для мирового господства.

Какова же мировая политика Советской России?

Нам думается, что Россия не может замкнуться в рамках европейской действительности и вариться в европейском соку. Конечно, нет. Объективно неизбежно для России устремление в ту сторону, где она будет предполагать нахождение ключа мировой революции.

Несомненно, что в конечном счете без революции на Востоке (в том числе и Америке) мировая революция не получит своей реализации. Поэтому роль и значение Восточного полушария должны быть учтены, как арена будущих великих социальных потрясений. А Дальний Восток должен рассматриваться сейчас как окно в Восточное полу-

шарие и как база для революционного воздействия на народы Азии.

Отсюда можно формулировать те задачи, которые ставит себе Советская Россия, идя на Дальний Восток, к берегам Тихого океана. Эти задачи— пробуждение народов Востока во имя борьбы за раскрепощение их от ига японо-американского капитализма во имя торжества мировой революции.

Враги и союзники России на Дальнем Востоке.

В настоящий момент Россия на Дальнем Востоке должна закрепить свои позиции путем большой и сложной дипломатической борьбы. Она стоит перед необходимостью определить свое отношение к Японии, Америке, Китаю, Корее и Монголии для того, чтобы определить, кто является ее врагом, кто другом, и в соответствии с этим построить ту политику, которая бы в конечном счете дала необходимое равновесие и устойчивость русской политике на берегах Тихого океана.

Врагами России на Дальнем Востоке объективно являются Япония и Америка. Это вытекает из капиталистического существа этих двух государств и тех основных их империалистических тенденций, сущность которых мы выяснили выше. Правда, во взаимной конкуренции оба эти государства могут, каждое по своему, рассматривать выгоду использования России для борьбы с своим противником.

Так, Америка может стремиться к тому, чтобы при помощи России создать в тылу Японии вооруженную угрозу—эта политика может рассматриваться, впрочем, как традиционная, ибо так Америка ставила вопрос накануне Русско-Японской войны, так она его ставила и ставит в последние годы.

Япония, наоборот, может сейчас стремиться к тому, чтобы временно использовать Россию, чтобы обезопасить свой тыл с этой стороны соответствующим соглашением с Россией. Но объективно Япония больше, чем Америка, имеет оснований быть врагом России, ибо, если Америка далека и пока с Японией ведет борьбу на плацдарме Китая, то Россия непосредственно смыкается с Японией и всякий план обороны Японии неизменно упирается в Россию, как препятствие для Японии.

Северный Сахалин сейчас—боевой вопрос для японских милитаристов, а ведь северный Сахалин есть ключ к Охотскому морю, Берингову морю, устьям Амура, а равно Камчатке и всему северо-востоку Сибири. Но не только здесь Япония сталкивается с Россией. Вопрос о Манчжурии, которая нужна Японии как прикрытие Кореи и как база для действий против Китая—это тоже один из моментов, в силу которых Япония является врагом России.

Словом, при всяких условиях Россия должна видеть в Японии и Америке своих врагов и не должна обольщаться возможностями того или

иного соглашения, равно, конечно, и не отказываться от последних, если они являются выгодными для нее.

Но, кроме врагов, Россия на Дальнем Востоке, конечно, имеет и друзей. Это все те народы, которые испытали и испытывают гнет империализма и пытаются в своей борьбе за освобождение опереться на Россию. Это—Корея, стонущая под игом японского империализма; это—Монголия, которая сейчас, при поддержке России, находится на путях национального самовозрождения; это, наконец, Китай, который при всей сумме иностранного давления на него со стороны Англии, Японии, Америки и Франции—все же является возможным союзником России.

Молодой Китай, т.е. тот, который сейчас подрастает, который еще не развращен агентами империализма, — этот Китай за Россию. Идеи и опыт русской революции он воспринимает, как нечто, подлежащее проведению в жизнь в приложении к Китаю. И это понятно. Поскольку Китай стоит перед необходимостью борьбы за освобождение от империалистической опеки, постольку он в лице России, отказавшейся от царской империалистической политики, видит друга, на которого можно опереться в предстоящей борьбе.

Китайцы понимают, что для того, чтобы освободить себя от тех пут, которыми они связаны мировым империализмом, необходимо использовать перегруппировку, совершающуюся сейчас в миро-

вой политике, и опереться на ту группу держав, которая может помочь Китаю в его политическом раскрепощении. Именно, идя этим путем, китайцы уже для настоящего времени намечают схему приемлемого для себя союза Китай—Россия—Германия.

Россия отказалась от империалистической политики. Германия ослаблена войной и тоже угрозы не представляет Китаю. Поэтому союз с обоими государствами выгоден в том отношении, что опираясь на него, Китай может противопоставить свою политику национального возрождения политике мирового империализма. Так работает мысль китайских националистов, желающих делать реальную политику в восточной Азии.

Даже больше: продолжая эти мысли, они ставят вопрос о возможности вытеснения Японии с восточно-азиатского материка и, в частности, из Манчжурии и Кореи. Их мысль проста: достаточно, говорят они, нажать комбинированным нажимом Китаю с юга и России с севера, чтобы японский империализм потерял свою базу в Манчжурии и был вытеснен из Кореи.

Китай и Россия.

Вполне естественно, конечно, что китайские националисты подходят к будущим русско-китайским отношениям с точки зрения приспособления их для нужд борьбы с японским империализмом,

который прочно и удобно уселся в Манчжурии и Корее и не желает оттуда уходить.

Но вряд ли Россия сейчас и именно в союзе с китайскими националистами может взять на себя задачу вооруженной борьбы с Японией во имя отказа последней от ее империалистических задач в восточной Азии. Такие задачи, конечно, можно ставить, но не для ближайшего времени. Сейчас русско-китайские отношения должны быть построены таким образом, чтобы Россия, с одной стороны, получила от Китая необходимые гарантии в отношении интересов своей безопасности на Дальнем Востоке; с другой—Китай мог использовать всю сумму того международного значения России, которое она имеет, для того, чтобы, опираясь на него, он мог с успехом вести борьбу за свое раскрепощение от опеки империализма.

Конкретно это означает, что Россия и Китай должны заключить договор о взаимном признании; это усилит позиции обоих государств. Второе—Россия и Китай должны урегулировать русско-китайские торговые интересы, а равно вопрос о Китайско-Восточной железной дороге.

Союзники, все вместе взятые, очень энергично стремятся запугать Китай и отговорить его от заключения с Россией соглашения. Особенно в этом деле хлопочут Япония и Америка—эти два врага России на Дальнем Востоке.

Главный аргумент, который подсовывается Китаю—это указание на „агрессивность“ России по

отношению к Китаю в Монголии. Японцы даже обернули русское требование японской эвакуации из Приморья против России, заявив китайцам, что они должны требовать эвакуации русских из Монголии, прежде чем Китай начнет переговоры с Россией.

Но вся эта аргументация, конечно, не выдерживает ни малейшей критики. Вопрос о Монголии отнюдь не может стоять в плоскости русской агрессивности. Россия выбила из Монголии японцев с их наемником бароном Унгерном, Россия должна была, опираясь на согласие монголов, продолжить пребывание своих войск в Монголии в целях борьбы с русскими реакционерами, обосновавшимися в Монголии; но Россия отнюдь не собиралась и не собирается держать в Монголии своих войск и рассматривать Монголию как оккупированную территорию. Что же касается вопроса об образовании автономной Монголии, то здесь центр тяжести лежит в желании монгольского народа и Россия, конечно, не может возражать против самоопределения монголов, равно как и против того, что последние хотят установить с Китаем строго договорные отношения.

Китай манчжуров и японских ставленников, в роде Чжан-Цзо-Лина, конечно, не может примириться с автономной Монголией; но Россия уверена, что республиканский Китай должен будет занять иную точку зрения в отношении к автономной Монголии.

Во всяком случае, Россия в монгольском вопросе не может видеть препятствий к установлению договорных отношений между Россией и Китаем и все происки империалистических держав относит исключительно к желанию последних не допустить установления дружеских взаимоотношений между двумя республиками.

Вопрос о Китайско-Восточной железной дороге для России сейчас стоит в плоскости взаимного обсуждения этого вопроса и урегулирования его в соответствии с интересами обеих договаривающихся сторон. Россия не претендует на те исключительные привилегии, на которых обычно настаивают мировые империалисты; Россия, конечно, уважает суверенные права Китая, которые обычно так нагло попираются империалистическими державами, но Россия сейчас заинтересована в том, чтобы Китайско Восточная железная дорога не сделалась точкой приложения сил русской контрреволюции.

Именно сейчас, когда дальне-восточная контрреволюция выброшена из Приморья, можно ожидать, что она переместит центр своей деятельности в полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги и при помощи Японии и Чжан-Цзо-Лина превратит Манчжурию в операционную базу для действия против Советской России на Дальнем Востоке.

До сего времени, при попустительстве Китая, русские контр-революционеры эксплоатировали

Китайско-Восточную железную дорогу и этим добывали средства для своего существования. Сейчас эти средства могут пойти на содержание каппелевцев, семеновцев и других активных врагов русских рабочих и крестьян. Поэтому основной задачей наших взаимоотношений с Китаем должно быть урегулирование манчжурской проблемы и в первую очередь в смысле устранения Китаем тех опасностей, которые связаны с превращением Манчжурии в базу русской контр-революции.

Русско-японские отношения.

Япония ушла из Приморья, но России отнюдь не приходится обольщать себя представлением об одержанной победе. Если внимательно приглядеться к тому, что есть в настоящий момент на Дальнем Востоке, то, конечно, если и есть намек на победу России, то только намек, ибо японские милитаристы сделали не только все для того, чтобы ослабить позиции России на берегах Тихого океана, но и уходя они сохранили за собою стратегические ключи к своему господству над русским Дальним Востоком.

Оставив за собою северный Сахалин и имея в качестве своей базы Корею и Манчжурию, Япония по существу образовала такие стратегические клещи для всего Приморья, что безопасность последнего находится целиком в зависимости от усмотрения японских милитаристов. Тем более, что

Япония употребила все усилия к тому, чтобы лишить Россию флота на Тихом океане и этим сделать ее беззащитной со стороны не только всего Тихоокеанского побережья, но и со стороны р. Амура, где открывается доступ внутрь русского Дальнего Востока.

Понятно, что при таких условиях вопрос о северном Сахалине приобретает для России исключительное значение. Япония эвакуировала Приморье, это первый шаг; теперь она должна сделать второй шаг и эвакуировать северный Сахалин. Это требование должно быть основной и главной предпосылкой наших переговоров с Японией.

Выше мы останавливались на стратегических соображениях, диктующих нам постановку вопроса о возврате России северного Сахалина. Сейчас нам хочется остановиться на вопросе об ответственности за так-называемые „николаевские события", в качестве гарантий чего, по заявлению Японии, она сейчас держит северный Сахалин.

Сущность пресловутых „николаевских событий" заключается в том, что в марте 1920 года красные партизаны, занявшие Николаевск на Амуре и затем подвергшиеся, вопреки существовавшему договору о перемирии с японским гарнизоном, изменническому ночному нападению со стороны этого гарнизона, слишком жестоко расправились с японцами и много перебили японцев.

В свое время японцы по этому поводу очень много кричали и старались представить дело о

„николаевских событиях“ так, что здесь произошло оскорбление национальной чести Японии и что это дает право последней требовать удовлетворения. Но еще больше вся эта шумиха была нужна японским милитаристам для того, чтобы скрыть истинных виновников всех этих „николаевских событий“, каковыми по существу являлись не кто иной, как сами японские милитаристы.

Вопрос по существу стоит чрезвычайно просто: японское командование, посадившее японский гарнизон в явно недостаточном количестве в Николаевск на Амуре и затем давшее ему боевую директиву, просто поставило этот гарнизон в чрезвычайно невыгодную боевую обстановку. И, выполняя данную ему боевую директиву, японский гарнизон в значительной своей части погиб (осталось в живых 130 человек). Но где и когда видано, чтобы неудачный стратег мог оправдать свои ошибки тем обстоятельством, что его противник на войне дрался, а не держал руки скрещенными. Ясно, что японский генеральный штаб отнюдь не мог и не должен был предполагать, что, приказывая своим войскам в Николаевске на Амуре активно действовать, он заставляет их действовать при наличии пассивности со стороны красных партизан. Если он предполагал так, то он жестоко ошибся, и это привело к поражению японцев в Николаевске на Амуре.

Если же вопрос об ответственности за „николаевские события“ рассматривать под углом зре-

ния той борьбы, которая происходила вообще на русском Дальнем Востоке, то ответственность должна быть расценена по принципу взаимности. И здесь, конечно, Россия может предъявить счет за понесенные ею жертвы и убытки в значительно большем виде, чем Япония. Достаточно припомнить действия японцев в Забайкалье, на Амуре, где японские солдаты расстреливали рабочих и крестьян и жгли села повстанцев; стоит подсчитать жертвы японского выступления 4/5 апреля 1920 года по всему Приморскому и Приамурскому краю, чтобы сказать, что Япония слишком много должна России за действия своих милитаристов.

Вот поэтому Россия полагает, что вопрос об ответственности за „николаевские события“ должен отпасть и мотивом к оккупации северного Сахалина отнюдь служить не может. А это ставит вопрос о скорейшем возвращении его России.

Предпосылки возрождения Дальнего Востока.

Закрепление России на стратегических позициях, у берегов Тихого океана, нуждается не только в умелом дипломатическом маневрировании, что может дать известную политическую устойчивость здесь России на базе хотя бы относительной безопасности, но не менее важным вопросом в этом отношении является вопрос о проблемах хозяйственного порядка.

Для того, чтобы крепко обеими ногами стоять на Дальнем Востоке, Россия должна укрепить

здесь свое хозяйственное положение. Дальний Восток богат своими естественными богатствами. Уголь, железо, золото, лес, рыба и целый ряд других богатств могут быть не только употреблены для местных надобностей, но и пойти для вывоза на мировой рынок.

Эти богатства русского Дальнего Востока и делают его лакомым куском для домогательств международного капитала. Но, вместе с тем, это богатство может и должно послужить к утверждению прочных позиций России на берегах Тихого океана. И что самое главное, это то обстоятельство, что Россия при наличности этих богатств может построить свое утверждение отнюдь не на хищнической и спекулятивной эксплоатации народов восточной Азии, а вне этих методов, присущих империалистам.

Но здесь на своем пути Россия пока встречает одно чрезвычайно важное препятствие—это малонаселенность русского Дальнего Востока. На огромной территории Дальнего Востока Россия насчитывает всего лишь около двух миллионов населения. Понятно, что эта сравнительно небольшая цифра населения, к тому же распыленная на огромном пространстве, отнюдь не может служить широкой базой для утверждения хозяйственной устойчивости России на Дальнем Востоке.

Именно поэтому колонизационная проблема (вопрос о заселении) для русского Дальнего Востока

стоит во весь свой гигантский рост и именно в нее упирается вся экономика Дальнего Востока.

Здесь, в этом вопросе тоже скрещиваются интересы России, Японии и Китая. Япония в числе своих аргументов, оправдывающих ее устремление, старается доказать, что она тяготеет к азиатскому материку потому, что ей на Японских островах становится тесно, и она хочет получить некоторый колонизационный фонд. Поэтому, говорят японцы, мы стремимся в Манчжурию, которая мало населена и которая подходяща для японской колонизации.

Русский Дальний Восток, особенно его приморская полоса, тоже рассматривается Японией в качестве места, которое могло бы годиться для японской колонизации.

Китай, в интересах своей безопасности, тоже в последнее время поставил вопрос о колонизации своих северных манчжурских владений, и с юга в Манчжурию сейчас хлынул колонизационный поток, который встретился с потоком японской колонизации в южной Манчжурии.

Таким образом, как будто бы в этом вопросе Россия и Китай могут тоже объединиться против Японии, и вместе с тем Япония, при наличности несомненной земельной тесноты на Японских островах, будет настойчива в своем устремлении на азиатский материк.

С другой стороны, приглядываясь к опыту японского пребывания на русской территории Даль-

него Востока, можно сделать вывод, что особенного колонизационного интереса Япония к русскому Дальнему Востоку не проявила, и это, вероятно, объясняется в значительной степени суровыми климатическими условиями, которые мало подходящи для японцев. Есть все основания думать, что Япония будет домогаться своего укрепления именно в южной и отчасти северной Манчжурии и что русский Дальний Восток будет ее интересовать больше с точки зрения задач стратегической обороны.

Но для России вопрос о разрешении колонизационной проблемы является одним из главнейших вопросов, которые она должна будет разрешить, ибо без этой основной предпосылки она не разрешит основной проблемы своего хозяйственного укрепления на Дальнем Востоке, и тогда перед нами может стоять угроза внедрения здесь иностранного капитала.

Если Япония домогается для себя права плавания судов под японским флагом по Амуру, то это можно рассматривать как курьезное притязание японских дипломатов. Зато экономическая слабость Дальнего Востока несет реальную угрозу внедрения иностранного капитала. Поэтому вопрос экономического укрепления советов на Дальнем Востоке является одной из серьезнейших задач Советской России у берегов Тихого океана.

Хозяйственные возможности советского Дальнего Востока.

Существует ходячее мнение, что присоединение Дальнего Востока к РСФСР для настоящего момента является делом невыгодным с точки зрения тех затрат, которых потребует на себя эта окраина. Дальний Восток—обуза для разоренной России, и последняя не сможет справиться с теми задачами, которые там стоят, ибо для этого у России не найдется нужных средств.

Мы думаем, что это далеко не так. Выше мы отмечали те богатства, которыми располагает русский Дальний Восток. Сейчас мы остановимся на некоторых из этих хозяйственных возможностей.

При населении около 2 миллионов душ, Дальний Восток имеет посевную площадь в 1.250.000 десятин, правда, имеющую сейчас сокращение на 25%, т.-е. за сокращением остается около одного миллиона десятин. При благоприятных условиях урожая площадь запашки Дальнего Востока, несомненно, может прокормить свое население.

Золотопромышленность на Д. В. в довоенное время доходила до 2.500 пудов годовой добычи, что определялось примерно в сумму 50—60 миллионов золотых рублей. Сейчас добыча золота, как и везде в России, по ряду причин понизилась, но и сейчас, в 1922 году, было скуплено государственными учреждениями около 250 пудов золота, а общая

добыча определилась в 400—500 пудов. В золотопромышленности сейчас на Д. В. занято до 20.000 человек.

Лесопромышленность является второй отраслью народного хозяйства Д. В. С уходом японцев из Приморья и низовьев Амура Россия может приступить к организации дальневосточной лесопромышленности и организации лесного экспорта на шанхайский и австралийский рынки. В прошлом эта отрасль промышленности давала до 30 миллионов золотых рублей дохода, вывозя около 50 миллионов куб. фут. древесины. Леса на Д. В. очень много, одна приморская полоса побережья может ежегодно без всякого ущерба отпускать до 58 мил. куб. фут. Дешевизна же морского фрахта дает благоприятные возможности организации лесного экспорта.

Рыбопромышленность—третья отрасль народного хозяйства Дальнего Востока, которая в прежнее время давала до 10 милл. золотых рублей. Рыбопромышленность Д. В. почти целиком связывается с амурским водным бассейном и отчасти с водами Охотского побережья. При японской оккупации северного Сахалина и нахождении белогвардейских банд на Охотском побережье рыбопромышленность восстановить свое прежнее значение долго, конечно, не сможет. Тем не менее, в общем учете хозяйственных рессурсов Д. В. она должна занять подобающее ей место.

На других отраслях народного хозяйства Д. В. мы пока не останавливаемся, ибо они находятся лишь в зачаточном состоянии и для ближайшего, завтрашнего дня существенного значения в экономике Д. В. иметь, конечно, не смогут.

Для общего же восстановления хозяйственного равновесия на Д. В. в числе первоочередных задач стоит вопрос об упорядочении транспорта. Нужно привести в состояние годности Амурскую железную дорогу; нужно также наладить Амурский водный транспорт, который должен иметь существенное значение в общей экономике всего края.

С другой стороны, перед советским Дальним Востоком стоят два серьезных вопроса: вопрос об иностранном капитале и концессиях и русском рубле.

Демократическое законодательство ДВР декларировало допуск частной инициативы для разработки естественных богатств Д. В. Но практика привела ДВР к необходимости осторожно подойти к концессионной политике, и практически была нащупана форма смешанных акционерных обществ, где иностранному капиталу предоставлялась подчиненная роль. В таком виде возник на Д. В. лесной трест „Эксполес“ с капиталом в 700 тыс. зол. руб.

Что касается русского рубля, то в последний год существования ДВР он обращался в виде золотого рубля в Забайкалье и Амурской области·

В Приморской области, при наличии здесь японской интервенции, царствовала японская иена. Сейчас на Д. В. стоит вопрос о введении в обращение советского рубля, который должен покрыть потребность внутреннего денежного обращения. Но условия значительной зависимости Д. В. от иностранного рынка заставят, вероятно, удержать и существующее сейчас на Д. В. золотое обращение.

Подводя итоги, можно сказать: при наличии колоссального разорения, причиненного русскому Дальнему Востоку японской интервенцией, он, тем не менее, имеет перспективы возможностей хозяйственного восстановления и, опираясь на Советскую Россию, несомненно, восстановит свое экономическое равновесие.

Россия — маяк революции для народов Азии.

Если американский капитализм уже сейчас обнаруживает тенденцию создать в Восточной Азии капиталистический барьер-баррикаду между Востоком и Западом, то это делает он главным образом потому, что не доверяет прочности капиталистической скорлупы Европы, ибо он не уверен, что в один прекрасный день эта скорлупа не будет разбита и оттуда не выпрыгнет неприятная для капитализма пролетарская революция, которая на базе опыта русской революции поставит проблему мировой революции на прочное основание.

Сейчас Запад—Европа на подозрении у Востока—Америки.

Но еще больше подозрения с точки зрения революционных бурь внушает американскому капиталу тот непосредственный Восток—Азия, с ее сотнями миллионов цветного населения, который в своем стремлении к раскрепощению от ига империализма представляет горючую массу для революции. И когда американский капитал утверждается на азиатских берегах Тихого океана, то он, помимо тех задач, о которых мы говорили выше, ставит себе целью утверждение своего влияния среди народов Азии, в интересах утверждения капитализма.

Япония преследует те же цели, ставя вопрос о своей гегемонии в Азии в интересах доктрины „Азия для азиатов“ и под руководством Японии.

Уже одно сопоставление этих двух тенденций наметившейся борьбы в Восточной Азии говорит о том, что с точки зрения Японии и Америки Восточная Азия представляет из себя как бы плацдарм, где скрещиваются интересы борющихся мировых сил, которые должны для будущего определить пути развития мирового империализма. А отсюда не трудно сделать вывод относительно исключительного стратегического значения Восточной Азии как для судеб мирового капитала, так и для мировой революции, которая тоже намерена опереться на миллионы трудящихся Азии.

До сих пор в приложении к народам Востока (в собирательном значении: всех колониальных, цветных народов) перед пролетарской революцией стояла задача поддержки их национально-освободительного движения, в интересах ослабления европейского империализма. Сейчас, когда устои европейского империализма шатаются, и когда американский капитализм делает тоже ставку на цветные народы и рынки их территорий, для утверждения американского империализма, конечно, интересы мировой революции настоятельно диктуют необходимость не допустить превращения американским капиталом в свои колонии таких стран, как Китай. И не только в буквальном смысле этого слова, но и в замаскированном виде, как это, всего вероятнее, будет делаться Америкой, которая, выдвигая вопрос о независимости Китая, по существу, на базе своего вытеснения из Китая японского капитала, ставит вопрос о превращении Китая в полуколонию, находящуюся в зависимости от американского капитала.

Поскольку же Россия сейчас занимает прочное положение на Дальнем Востоке и приближается к Китаю, она невольно, как носительница идей мировой революции, сталкивается здесь с тенденциями укрепления в Азии американского капитала, так же, как и с тенденциями японского империализма.

Советская Россия принуждена бороться как с тем, так и другим: ибо оба эти уклона вредны

интересам мировой революции; ибо в приложении к народам Азии укрепление американского или японского империализма несет с собою для этих народов ярмо капиталистической эксплоатации.

Это не значит, что мы против использования для народов Востока путей капиталистического развития. Конечно, нет. Но мы считаем, что наша основная задача в Азии—пробудить сознание народов Азии и организовать его в интересах мировой революции. Эта задача облегчается в значительной степени тем, что утверждение капитализма в среде азиатских народов неизбежно ведет к образованию туземного пролетариата, который не только в процессе производства получает организационные навыки, но и выковывает свое классовое самосознание, равно как и понимание своих классовых интересов.

И несомненно, в этом отношении роль России—роль маяка социальной революции, курс на который сейчас должны держать народы Восточной Азии, для того, чтобы расчистить путь для своего освобождения от гнета мирового империализма.

Единый фронт азиатских народов.

Дальний Восток—преддверие к восточному полушарию, куда сейчас переносится центр мировой экономики, и где, вероятно, в ближайшем будущем будут находиться рычаги и регуляторы мировой политики. И если Советская Россия имеет все

основания стремиться к берегам Тихого океана, где будут находиться эти рычаги и регуляторы мировой политики, то она еще больше оснований имеет противопоставить американо-японскому империализму упругое сопротивление народов всей Восточной Азии.

Капиталистическое развитие Индии и Китая неизбежно несет с собою рост пролетариата в этих странах. Пролетариат растет и классово осознает себя и свои интересы под крышами тех фабрик и заводов, которые начали возникать в этих странах при участии англо-американо-японского капитала, и которые теперь увеличиваются в числе и за счет концентрированного туземного капитала.

Этот процесс капиталистического развития двух государств—гигантов Восточной Азии, имеет чрезвычайно показательное значение в двух отношениях. Во первых, он, по мере роста капиталистического развития этих стран, противопоставляет туземный капитал и туземную буржуазию, нарождающуюся вместе с ростом туземного капитала—иностранному капиталу, создавая этим углубление предпосылки национальных противоречий между этими двумя фракциями капитала и давая этим пищу для национально-освободительной борьбы против мирового империализма в Китае и английского в Индии. Во вторых, рост пролетариата намечает пути для внутренней классовой борьбы имеющей задачей освобождение трудящихся.

Отсюда—рост волны национально-освободительной борьбы на Востоке и параллельный рост широкого рабочего движения как в Индии, так и в Китае, а равно оформление и кристаллизация радикальных партийных группировок, которые ставят вопрос о власти, как о пути скорейшего достижения освобождения народов Востока от опеки международного империализма.

Китай и Индия — основа будущего единого фронта азиатских народов, вокруг которых будут цементироваться все остальные народы Азии в своей освободительной борьбе, сначала против европейского империализма, а затем и против американо-японского империализма. Роль России по отношению к этому фронту — прочный и обеспеченный от нападения тыл.

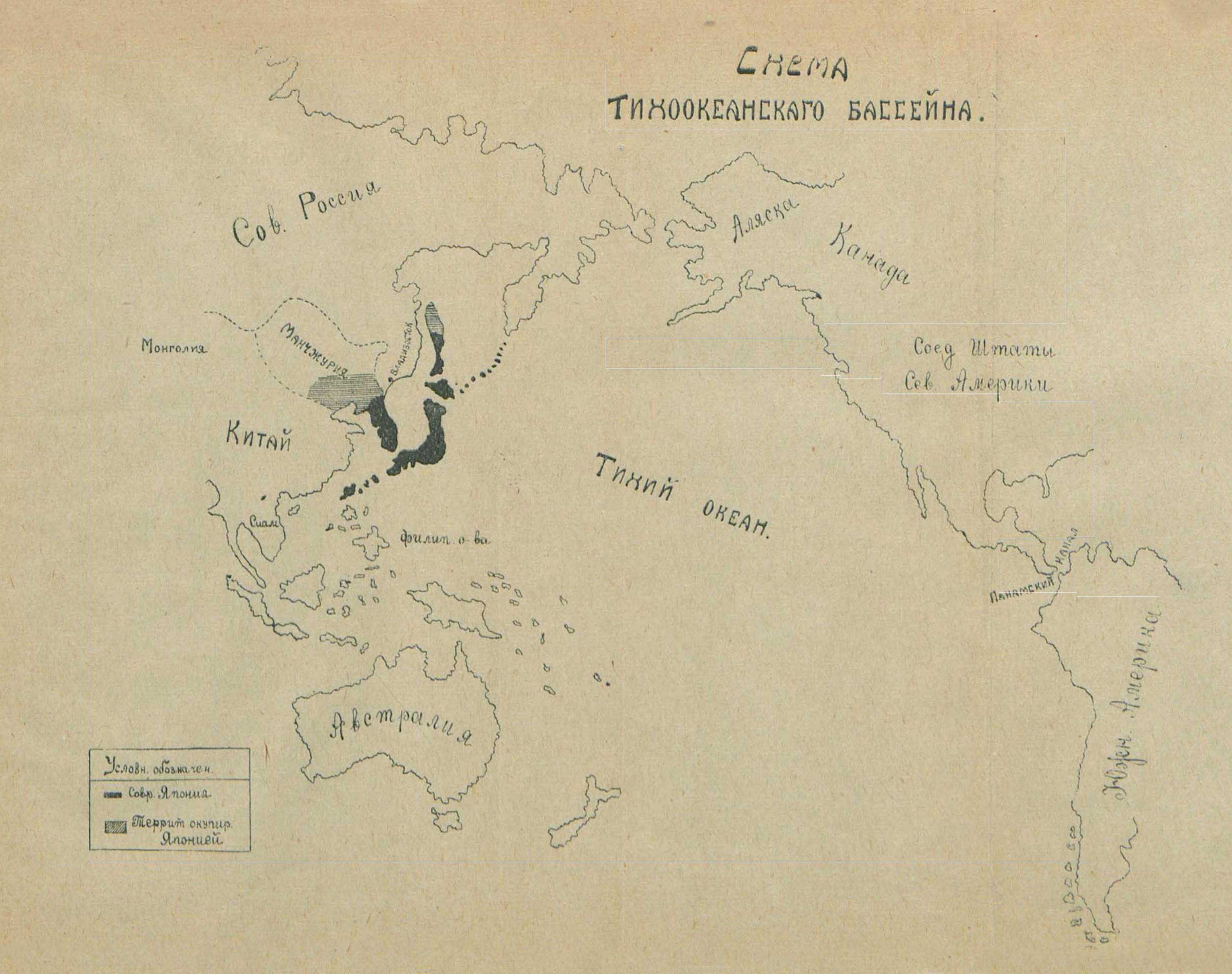
Слабость американо-японского империализма таится в его внутренних противоречиях, которые рано или поздно, но неизбежно должны привести его к внутреннему вооруженному конфликту, т.-е. Япония и Америка из-за вопроса о гегемонии в Тихом океане должны будут столкнуться и силою своего оружия решить спор о правах первенства.

Это столкновение тем вероятнее будет, если кому-либо из двух конкурентов удастся взять под свое влияние и организовать соответственно своим интересам Восточную Азию с тем, чтобы опереться на нее в предстоящей борьбе. Все равно, будет ли это Япония или Америка, утверждение в Восточной Азии каждой из них неизбежно поведет к

вовлечению в вооруженный конфликт Америки и Японии, а также и всех народов Восточной Азии.

Помешать такому невыгодному для народов Азии вовлечению их в бойню восточных империалистов может только единый фронт азиатских народов, который одним своим образованием локализует предстоящее вооруженное столкновение. А это в свою очередь может повести к тому, что японский империализм тогда скорее потеряет свое равновесие и лопнет под влиянием внутреннего революционного взрыва, ибо японский империализм, как и всякий, пытается установить внутреннее равновесие и свою милитаристическую мощь за счет политики колониальных сверхприбылей.

Революционный же взрыв в Японии способен только усилить единый фронт азиатских народов, и тогда американский империализм лицом к лицу встанет перед вопросом о невозможности использовать Восточную Азию, как базу для утверждения своего мирового господства.

Схема
Тихоокеанского бассейна.
Сов. Россия
Аляска
Канада
Монголия
Манчжурия
Владивосток
Соед Штаты
Сев. Америки
Китай
Тихий океан.
Сиам
Филип. о-ва
Панамский канал
Южн. Америка
Австралия
Условн. обозначен.
Совр. Япония.
Террит окупир. Японией

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ИЗДАНИЯ

Высшего Военного Редакционного Совета.

МОРСКОЙ ФЛОТ.

Уайт.—Боевое наставление для речных флотилий.

Жерве.—Значение морской силы для государства.

В йна на море.

Белухин.—Мина Уайтхеда.

Описание морских предостерегательных знаков по Северному Ледовитому океану и Белому морю.

ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ.

Фомин.—Правила хранения и содержания воздухоплавательного имущества.

Яцук Н.—Помощь авиации в действиях партизанов.

Шабашев.—Привязное воздухоплавание в военном деле и применение его в России в 1914—18 г.г.

Кулебакин.—Авиационное дело.

Бриллинг.—Исследование авиомоторных топлив.

Кулебакин В.—О регулировании момента искрообразования в магнето высокого напряжения авиационных воздухоплавательных моторов.

Чаплыгин С.—К общей теории крыла моноплана.

Юрьев, Б.—Крылья типа „Юнкер". Прием аэродинамического расчета самолетов.

Мейснер, И.—Змейковый аэростат „Како".

Рынин, Н.—Техническое описание аэроплана Бреге.

ИНЖЕНЕРНОЕ ДЕЛО.

Ушаков, П.—Мосты и переправы.

Добряков, А.—Земляные работы.

Невский. Г.—Фортификация.

Гильгнер, С.—Понтонное дело.

Мосты и переправы. Часть III. Временные железнодорожные мосты.

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ.

МОСКВА

1923 г.

2011097062